

АНТИЧНЫЙ
МИР

ИСТОРИЯ РАННЕГО РИМА

А.И.
Немировский

Античный мир

Александр Немировский
История раннего Рима

«ВЕЧЕ»

1962

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

Немировский А. И.

История раннего Рима / А. И. Немировский — «ВЕЧЕ»,
1962 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-5699-2

В книге представлены две работы известного советского и российского историка, педагога и переводчика А.И. Немировского (1919—2002): «История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства» и «Идеология и культура раннего Рима». В первой рассказывается о переломной эпохе в истории древней Италии, когда начинается процесс формирования раннего римского государства и становления римского общества. Во второй работе автор исследует духовную культуру и идеологию раннего Рима, рассматривая их в контексте исторического развития древнеримского общества. В своем труде Немировский подчеркивает, что для понимания процессов формирования древнеримской цивилизации важно изучение взаимосвязи религиозных представлений и общественной жизни Древнего Рима. Настоящее издание будет полезно не только для историков, культурологов, религиоведов, но и для всех, кто интересуется историей античного мира и процессами формирования древних цивилизаций.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-4484-5699-2

© Немировский А. И., 1962
© ВЕЧЕ, 1962

Содержание

История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства	6
Введение	6
Глава I. Литературные источники ранней истории Рима и Италии	10
Глава II. Племена и народности Италии в начале железного века	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Немировский

История раннего Рима

© Немировский А. И., наследники, 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства

Введение

Советскую науку всегда интересовали переломные эпохи в истории человечества, когда на смену старым общественным отношениям, ставшим тормозом в развитии общества, приходят новые, более передовые. Настоящая работа посвящена одной из таких переломных эпох, когда в Древней Италии первобытнообщинный строй сменяется рабовладельческим, когда возникает общественное разделение труда, появляются классы, оформляется рабовладельческое государство.

Эта эпоха является в известной мере белым пятном для советской историографии. В немногочисленных статьях, появившихся в журналах, рассматриваются лишь отдельные аспекты проблемы возникновения классового общества и государства в Италии; в целом же эта проблема не освещалась советскими исследователями.

Современная буржуазная историография, несмотря на обилие используемого ею фактического материала, оказалась бессильной дать правильное освещение событиям и историческим процессам ранней истории Рима и Италии. В новейших исследованиях мы можем встретить свойственное буржуазной науке смешение различных эпох и социальных институтов, попытки объяснить патрициат, клиентелу, домашнее рабство, исходя из структуры феодального общества. Стремясь оправдать капиталистические отношения, буржуазные историки отказываются от общепринятой концепции господства в древнейшем Риме общинных начал и рассматривают частную собственность как вечный институт. В этом отношении характерно мнение Е. Корнемана: «Государство, в котором даже пограничный камень *terminus* был богом, с древнейших времен имело частную собственность не только на дом и двор, но и на землю и луг»¹. Наибольшую беспомощность обнаружила буржуазная наука в вопросе о возникновении государства. Государство рассматривается как сила, навязанная обществу извне. Возникновение государства не ставится в связь с экономическими сдвигами и общественными изменениями.

Эти факты свидетельствуют о том, насколько актуальным является исследование процесса формирования классовой структуры италийского общества, выяснение основы, на которой возникло государство.

Изучение принципиально важных вопросов социально-экономической истории Италии усложняется состоянием литературной традиции, содержащей большей частью полулегендарные данные. Характер литературных источников, имеющих в распоряжении науки о древнейших временах Рима и Италии, способствовал появлению в конце XIX в. гиперкритического направления. Его представители считали совершенно недостоверной римскую историю до III в. до н. э.

¹ E. Kornemann. Bauernstand. RE, S.B. IV. Col. 96.

А. И. Немировский – советский и российский историк Древнего Рима и этрусской культуры

Но одновременно появился новый обильный материал, обогативший наши представления о начале истории Рима и Италии. Этот материал дала археология. Подобно сказочному Антею, прикоснувшись к земле, наука восстановила и укрепила свои силы, истощенные длительной и не всегда плодотворной критикой римской литературной традиции. Чем дальше идет археологическое исследование древнейшей Италии, тем отчетливее видно, что значение археологического материала не ограничивается интерпретацией тех фактов, которые содержат литературные источники. Археология выдвигает многие самостоятельные проблемы и помогает их решению.

Наряду с археологическими источниками в круг исследования теперь вовлечены данные лингвистики. Надписи на различных языках, обнаруженные еще в прошлом веке, но понятые в последние десятилетия, позволяют решать более углубленно проблему этногенеза. Данные топонимики помогают уточнить этническую карту Италии и выяснить ряд других важных вопросов истории древнейшего Рима и Италии.

Многие еще не изученные стороны римского общественного и политического строя стали понятны благодаря успехам этнографии. Американскому исследователю Л. Моргану при изучении ирокезского рода удалось пролить свет на римскую родо-племенную организацию. Основоположники марксизма высоко оценили метод параллельного изучения общественных институтов, позволяющий объяснить их на основании сходства и выявить общие закономерности исторического развития. Энгельс блестяще применил этот метод в «Происхождении семьи,

частной собственности и государства» для характеристики общественного строя греков, римлян и германцев.

Исследования по истории раннего Рима и Италии отличаются своей проблематикой. Задача изучения прошлого с подлинно научных позиций марксизма-ленинизма выдвигает на первый план проблему древнейшей общественной структуры Рима, его родо-племенной организации. К этой проблеме относятся такие важные вопросы, как происхождение и сущность римского рода, характер курии и трибы, происхождение патрициата, ранняя римская клиентела. Многие из этих вопросов в достаточной степени изучены, и мы не ставили своей целью рассматривать весь материал источников или дополнять многочисленные гипотезы новыми. Для понимания дальнейшего исторического развития Рима и Италии достаточно установить основные черты римской первобытно-общинной организации.

В результате научных исследований, проведенных в XIX–XX вв., было установлено, что Рим развивался не как изолированная община, а испытывал глубокое и разностороннее влияние своих соседей. Поэтому проблема возникновения Римского государства включает изучение той этнографической почвы, на которой возник Рим. Колыбелью Римского государства был Лациум, и, казалось, можно было ограничиться изучением племен, населявших эту область. Однако даже самое общее знакомство с этнографией Древней Италии убеждает, что подобное ограничение несостоятельно. В процессе этногенеза римского народа могли участвовать не только латиняне, но и другие племена, первоначально жившие в Лациуме, но затем переселившиеся в другие части Италии. Кроме того, изучение племен, живших вне Лациума, может объяснить многое в римской общественной и политической организации. К этому выводу пришел уже В. И. Модестов, обобщивший в своем исследовании весь доступный в его время материал о древнейшем населении Италии и Сицилии.

Одной из «вечных» тем римской истории, возбуждавшей живой интерес исследователей и широкого круга лиц, увлекающихся историей, является возникновение Рима. С тех пор как установлен легендарный характер римской традиции о начале города, наука пытается решить этот вопрос с помощью археологии. В последнее время появилось капитальное исследование шведского ученого Эйнара Гьерстада, посвященное ранней истории Рима, и в частности, проблеме возникновения города Рима. Существенных результатов следует ожидать от постановки более широкой проблемы: возникновение города-государства в Италии. Ей посвящена часть этой книги.

Археологический материал лег в основу главы «Развитие ремесла и торговли в Риме в VI – первой половины V в. до н. э.».

Весь уклад жизни древней римской общины был земледельческим. Аграрный характер римской общины вовсе не исключает того, что превращению ее в рабовладельческое государство предшествовали определенные экономические сдвиги. Понимание этих сдвигов невозможно без изучения ремесла и торговли, всегда оказывавших разлагающее действие на отношения родо-племенного строя. Выбор периода для изучения ремесла и торговли обусловлен необходимостью проверки господствующего мнения о жестоком экономическом кризисе, который переживал Рим после изгнания этрусков. Археологический материал позволил нам отказаться от этого мнения и прийти к выводу, что политический переворот, переживаемый Римом в конце VI в. до н. э., не сопровождался экономическим упадком.

Наша работа охватывает лишь те вопросы древнейшей истории народов Апеннинского полуострова, которые связаны с проблемой возникновения классового общества и государства. Мы надеемся в другой книге рассмотреть культурное развитие народов Италии в начале железного века и охарактеризовать тот перелом в идеологии, который был вызван крушением первобытно-общинных отношений и возникновением классового общества и государства.

Автор приносит глубокую благодарность Л. А. Ельницкому, Е. М. Штаерман и другим исследователям, познакомившимся с работой в процессе ее подготовки к печати, за их замечания и советы.

Глава I. Литературные источники ранней истории Рима и Италии

Решение любой исторической проблемы зависит от достоверности источников, их полноты и степени изученности. При освещении древнейшей истории Италии проблема достоверности источников приобретает особую остроту. В течение долгого времени единственно доступными науке источниками по истории древнейшего Рима и Италии были литературные памятники. На их критике и интерпретации сложились целые школы и направления. Рассмотрение самих источников невозможно без выяснения той критической работы, которая была проделана в этом направлении.

Критическое изучение римской традиции. В эпоху Возрождения, когда появился интерес к произведениям античных историков, не было сомнения в истинности исторического предания о начале Рима.

Свойственное этой эпохе восхищение всем, что относилось к Древней Греции и Риму, несовместимо с исторической критикой. Ромул в те времена считался таким же историческим деятелем, как Август.

Первые исследования в области римской истории появились в XVI–XVII вв. Они носили антикварный характер. В понятие «антикварный» труд теперь вкладывают систематическое изложение (не в хронологическом порядке) различных древних обычаев, правовых и религиозных институтов². Историк собирает факты, которые могут дать известное толкование вопроса, выяснить какую-либо общественную или политическую ситуацию; антикварий коллекционирует факты, группируя их в определенном порядке независимо от того, могут ли они помочь решению той или иной проблемы. Работы антикварию не содержали сомнений в достоверности римской исторической традиции, однако они выявили версии различных авторов, относящиеся к определенным фактам, и тем самым дали материал для последующей критики.

Серьезные сомнения в достоверности римского предания были высказаны уже в XVII в. Ученый Самуил Бошар сомневался в переселении Энея в Италию³. На ряд ошибок и противоречий древних историков указал Яков Перизоний⁴. Он высказал также предположение, что источником произведений римских писателей по ранней истории Рима были народные песни. Сам Перизоний не придавал большого значения своей «песенной теории». Кроме того, он не ставил своей задачей выяснить, как песни оказывали влияние на римскую традицию.

Видная роль в критическом изучении исторического предания о начале Рима принадлежит итальянскому мыслителю Джамбатисте Вико (1668–1744), выпустившему в 1725 г. свои знаменитые «Основания новой науки»⁵. Подобно некоторым своим современникам и предшественникам, Вико считал историческое предание о древнейшем Риме искаженным. Он, например, отвергал сообщения древних авторов о том, что древнейшее население Лациума составляли выходцы из Аркадии, что законы XII таблиц пришли в Рим из Афин. Причиной этих и подобных им искажений Вико считал «тщеславие наций», с результате которого происхождение римской культуры и государственности было приписано грекам.

² Об историках-«эрудитах» и «антиквариях» и их трактовке древней истории см. А. Momigliano. *Ancient History and the Antiquarian*, «Contributo alla storia degli studi classici». Roma, 1955.

³ S. Boschard. *De questione cum Aeneas nunquam fuerit in Italia*, 1672.

⁴ J. Perizonius. *Animadversiones historicae*. Amsterdam, 1685.

⁵ G. Vico. *Principi di scienza nuova d'intorno alia comune natura delle nazioni*. Napoli, 1725. В дальнейшем ссылки на русский перевод Дж. Вико. *Основания новой науки об общей природе наций*. Л., 1940. О Вико как историке см. В. Dembiński. *Vico i jego metoda historyczna*. «Kwartalnik historyczny», VII (1893), 100 sq. См. также: J. W. Thompson. *A History of Historical Writing*, vol. II. New York, 1942, p. 92–94. История критического изучения древнейшего Рима: С. Barbagallo. *Il problema delle origini di Roma dal Vico a noi*. Milano, 1926.

Своеобразие воззрений Вико в том, что его анализ римской традиции переходит в критику современной ему историографии. Так, соглашаясь с Бошаром, что Эней никогда не ступал на почву Италии, Вико упрекает Бошара в том, что тот считал Энея историческим лицом. Хотя Эней и не существовал, значит ли это, что миф об Энее в Италии не имеет никакой ценности? Отвечая на этот вопрос, Вико показал коренное отличие своего метода от метода Бошара и других ученых скептического направления. «Мифы должны иметь какую-то общественную основу истины»⁶, – заявляет Вико. Наука не обязана заниматься выявлением каких-либо деталей из жизни несуществовавшего Энея, а должна выяснять реальную историческую основу мифа. В мифе об Энее такой реальной исторической основой является раннее греческое влияние, выразившееся в создании на западном побережье полуострова греческих колоний. Благодаря этому подходу к легендам о начале Рима Вико опередил современный ему скептицизм и может считаться родоначальником исторической критики в буржуазной историографии.

Типичным представителем скептического направления в критике традиции был Луи Де Бофор⁷. Бофор отвергает рассказы Тита Ливия потому, что они, на его взгляд, противоречат логике, кажутся невероятными. Во многих из этих рассказов он видит «патриотические басни». Вероятными источниками римской традиции Бофор считает греческие легенды об основании городов, погребальные речи, древние песни, попытки, объяснения имен и географических названий, семейные предания. На основании этого, а также исходя из многочисленных указаний древних авторов о потере или отсутствии письменных памятников, Бофор приходит к выводу, что римская история может считаться достоверной лишь с III в. до н. э.

Новую эпоху в критике римской исторической традиции открыл труд Бартольда Нибура (1776–1831)⁸. Считая традиционную историю Рима искаженной, полной ошибок и фальсификаций, Нибур не ограничивается разрушительной критикой. Это отличает его от Бошара, Бофора и других скептиков и сближает с Вико. «Отделение баснословного элемента, разрушение обмана, – заявляет он в предисловии к первому изданию «Римской истории», – может удовлетворить критика; историк стремится к положительному»⁹. Исходя из этой позитивной задачи, Нибур, во-первых, стремится выяснить, чем вызваны ошибки и лакуны в римском предании, и, во-вторых, на основании отдельных достоверных данных и исторических параллелей восстановить подлинную картину древнейшей истории Рима.

Выяснение причин недостоверности римской традиции поставило Нибура перед задачей выявить ее источники. Он пришел к выводу, что так как анналы едва восходят до образования трибуната, а другие памятники – до Сервия Туллия, то рассказ о первых царях – легенда, дошедшая до времен Цицерона и Дионисия Галикарнасского в форме исторических песен¹⁰.

⁶ Дж. Вико. Ук. соч., стр. 334.

⁷ L. De Beaufort. Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siecles de l'histoire Romain. Utrecht, 1738.

⁸ В. Niebuhr. Die Römische Geschichte. Bd. I. Berlin, 1873.

⁹ В. Niebuhr. Ук. соч., стр. XXII.

¹⁰ В. Niebuhr. Ук. соч., стр. 209.

Бартольд Георг Нибур – датско-немецкий историк античности. Портрет до 1831 г.

Гипотеза о народных песнях как источнике римской традиции не является новой. Ее выдвинул уже Перизоний. Приверженцами ее были Бофор и Вико. Но никто из них не пытался отделить несохранившиеся песни (*carmina*) от риторических прикрас, принадлежащих поздним писателям. Это делает Нибур. Не ограничиваясь утверждением, что *carmina* были важнейшими источниками римской традиции, объясняющими обилие поэтических деталей, Нибур пытался выяснить происхождение этих песен. Он считал их выражением взглядов римских плебеев, в то время как анналы представляли, по его мнению, патрицианскую точку зрения.

Особого рассмотрения заслуживает метод аналогии, широко применяемый Нибуrom как в «Римской истории», так и в вышедших позднее произведениях. Сущность этого метода в том, что используются достаточно известные явления и институты других народов для объяснения сходных явлений и институтов у римлян. Так, царскую власть в Риме Нибур объясняет, исходя из власти басилеев у греков. Именно этот метод аналогии дал возможность установить важнейший факт всеобщности родовой организации.

В то же самое время следует иметь в виду, что, применяя метод аналогии, Нибур допустил немало ошибок. Подчас он сравнивал общества, совершенно различные по своей структуре, объясняя явления прошлого современностью. Так, события Великой французской революции служат ему объяснением социальной борьбы последнего столетия Римской республики, аристократию средневековых городов он сопоставляет с древним патрициатом. Уже у Нибура, а не у Моммзена, как принято считать, метод аналогии начинает превращаться в модернизацию исторических явлений античного мира.

Метод Нибура в критике римской традиции продолжил Шwegлер (1819–1857)¹¹, применивший его к исследованию рассказа о семи римских царях. В своей критике Шwegлер более радикален, чем Нибур, признававший историчность последних пяти римских царей. Рассказ о царях, по мнению Шwegлера, сплошной этиологический миф. Каждый царь является не историческим лицом, а воплощением семи главных моментов в римской истории. В оценке народного эпоса как одного из главных источников римской традиции Шwegлер расходится с Нибуром. В преданиях традиционной истории Шwegлер не находит ничего напоминающего исторические песни. Эти предания носят этиологический характер, т. е. имеют исходным пунктом уже сложившийся обычай, обряд, учреждение, происхождение которых объясняется с помощью вымысла. Труд Шwegлера до сих пор не потерял своего значения. Шwegлер первым предпринял систематический анализ римской традиции, избегая произвольной комбинации текстов, частой у Нибура.

Ближе всего в критике римской традиции примыкал к Нибуру Карл Нич (1818–1880), считавший, что потерянные древние источники можно отыскать в измененном виде в произведениях поздних римских писателей. Его работа о римской анналистике является осуществлением критического метода Нибура¹². Нич возродил нибуровскую песенную теорию, которая уже при жизни Нибура подверглась резкой критике. Но, в отличие от Нибура, он полагал, что *carmina* не могли иметь плебейского происхождения, так как их героями были, как правило, патриции.

Могучее влияние Нибура на разработку древнейшей истории Рима и Италии выразилось не только в том, что многие положения немецко-датского историка стали общепризнанными в науке, но и в том, что его работа стала как бы отправным пунктом для всех исследователей, включая и противников его взглядов. Со времени Нибура исследование ранней римской истории не мыслится без критического изучения источников, хотя последнее подчас основывается на иных предпосылках, чем у Нибура.

Приемы и методы Нибура по воссозданию древнейшей истории Рима вызвали решительные возражения со стороны Рубино, сторонника более консервативного отношения к традиции¹³. По мнению Рубино, конституционные традиции, хранителями которых были римские антиквары и историки, заслуживают высокой степени доверия. Это прочный, надежный материал, не нуждающийся в каком-либо исправлении. Методы восстановления Нибуром истины, как полагал Рубино, в большинстве случаев лишены твердой почвы, основаны на одной лишь интуиции.

Против нибуровских методов восстановления древнейшей римской истории выступил английский ученый Джордж Леви (1806–1863), автор двухтомного «Исследования о достоверности ранней истории Рима»¹⁴. Нибур, по мнению Леви, разрушил римскую традиционную историю, заменив ее собственными вымыслами, одним из которых является его «песенная теория». В историческое время римляне не знали никаких песен. Единственным источником, находившимся в их распоряжении, были устные сообщения и семейная традиция. Этот источник лег в основу работы Фабия Пиктора, ставшей в свою очередь источником для других писателей. Рассматривая историю Тита Ливия как произведение искусства, Леви считал, что современный исследователь может лишь ухудшить легендарную историю при ее переложении на язык научных фактов и обобщений.

Борьба и споры об отношении к литературной исторической традиции происходили и в России. Первыми пропагандистами и сторонниками Нибура в нашей стране явились исто-

¹¹ A. Schwegler. Römische Geschichte. Bd. I–III, 1853–1858.

¹² K. W. Nitsch. Die römische Annalistik von ihren ersten Anfängen bis auf Val. Antias. Berlin, 1873.

¹³ J. Rubino. Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839.

¹⁴ G. C. Lewis. Inquiry into the Credibility of the Early Roman History. London, 1865.

рики из буржуазно-дворянского либерального лагеря, и прежде всего Т. Н. Грановский (1813–1855). В 1850 г. в журнале «Современник» вышла работа Т. Н. Грановского «Бартольд Георг Нибур»¹⁵. Биографическая форма не помешала Грановскому высказать ряд верных замечаний по поводу критического метода Нибура, в своей основе позитивного, лишенного скептицизма.

В 1851 г. президент Академии наук граф С. С. Уваров опубликовал статью «Достовернее ли становится история?»¹⁶. Уваров выступил против направления, представленного Фридрихом Вольфом и Бартольдом Нибуром, против критического отношения к традиции. «К чему привели огромные труды Нибура? – спрашивает автор. – Нибур без малейших, да и невозможных возражений разрушил все основания римской истории».

В защиту критического направления в истории с обоснованием взглядов Нибура выступил на страницах «Отечественных записок» ученик Т. Н. Грановского профессор П. Н. Кудрявцев (1816–1858)¹⁷. В статье «О достоверности истории» Кудрявцев показал, что успехи истории как науки измеряются не одними положительными результатами исследований, но и постановкой вопросов. Никто, по мнению Кудрявцева, не может заниматься древнейшей историей Рима, не учитывая критики Нибура, которая расчистила почву для дальнейших исследований. Помимо этого, Нибур дал правильное решение многих вопросов, которые до него не находили ответа.

Вопреки Уварову, П. Н. Кудрявцев указывает: критическое отношение к традиции, к легендам и преданиям означает не разрушение истории, а, напротив, укрепляет ее на твердых научных основах. Это была отповедь не только Уварову, но и Рубино, Леви и другим многочисленным критикам Нибура.

Среди противников критического метода Нибура был и крупнейший историк XIX века Теодор Моммзен (1817–1903). Знаменитая «История Рима» Моммзена полемически направлена против трудов Нибура и Шwegлера. Это видно из того, что Моммзен совершенно отказался от рассмотрения столь волновавшего Нибура и его последователей вопроса о достоверности римской традиции, об источниках римских писателей. Критика Моммзеном римской традиции выражается в отборе фактов. Моммзен опускает факты, представляющиеся ему легендарными. Он излагает не историю семи царей, а историю царского периода, используя традицию для характеристики политического, экономического и культурного развития Рима.

¹⁵ Т. Н. Грановский. Соч., т. II. М., 1856, стр. 1–150. Кроме этой незаконченной статьи, у Грановского имеется обширная рецензия, посвященная лекциям Нибура по истории Греции и Рима (Соч., т. II, стр. 51–134, 255–275).

¹⁶ Опубликовано в «Москвитянине», 1851, № 1.

¹⁷ П. Н. Кудрявцев. Соч., т. I. М., 1887, стр. 1–32.

Теодор Моммзен. Портрет работы Л. Якоби. 1863 г

В своих работах «Римская хронология», «Римские исследования», «Римское государственное право», «Римское уголовное право» и др. Моммзен осветил различные вопросы истории, права, экономики, культуры, хронологии раннего Рима¹⁸. В этих трудах Моммзен тщательно анализирует источники, проявляя громадную эрудицию в области филологии, права, нумизматики, эпиграфики.

Конец XIX в. – это период расцвета гиперкритического направления буржуазной историографии, в особенности в изучении раннего Рима. Крупнейшим представителем этого направления был Этторе Паис (1856–1939). Подобно своему учителю Моммзену, Паис обладал основательными познаниями в области эпиграфики, государственного права и античной географии. Свои знания он употребил для разрушительной критики римской исторической традиции. В «Римской истории» Паис отрицал достоверность фаст, подлинность законов XII таблиц¹⁹. По его мнению, у римлян не было ни исторических преданий, ни фамильных летописей. Все, что говорится о римских учреждениях раннереспубликанского периода, является перенесением в прошлое государственного устройства конца Республики. Примером этого он считает «царские законы», созданные понтификами в конце Республики. Рассматривал источники римской традиции, Паис утверждает, что ими были греческие исторические рассказы, а также римская драма. Например, традиционный рассказ о гибели 306 Фабиев у Вей Паис

¹⁸ *Th. Mommsen. Römische Chronologie. Berlin, 1859; Römische Forschungen. Bd. I–II. Berlin, 1864–1879; Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1899; Römisches Strafsrecht. Berlin, 1899.*

¹⁹ *E. Pais. Storia di Roma, vol. I, Torino, 1898–1899.* В более поздней работе *Storia critica di Roma durante i primi cinque secoli, Roma, 1913–1920*, он бережнее относится к римской традиции.

считал видоизменением сообщения Геродота о сражении и гибели 300 спартанцев под Фермопилами.

Сведения римской традиции Паис рассматривал как результат сознательно применяемых античными историками приемов «удвоения» и «утроения». Сущность этих приемов в том, что одно и то же сообщение повторялось под разными годами. Например, сходство имен и деятельности пятого и седьмого римских царей Паис объясняет удвоением одного известного римлянам Тарквиния. Один и тот же анекдот о Курции Паис находит в трех местах: в рассказе о Ромуле, в изложении событий 446 и 362 гг. до н. э.

Особенно детально разбирает Паис те искажения в рассказе о прошлом Рима, которые были, по его мнению, связаны с «местническими» побуждениями представителей знатных родов. Паис подметил, что римские историки не только «закрепили» за знатными родами определенные наследственные качества (благородство, мудрость и т. д.), но и считали, что судьба определила одним родам успешно воевать с галлами (родам Манлиев и Фуриев), другим – побеждать в Африке (род Корнелиев). Это, по мнению Паиса, привело к тому, что представителям одних родов приписали проведение законов, другим – сочувствие к плебеям, третьим – войны.

Гиперкритическое направление имело приверженцев в разных странах. В России к нему в известной мере примыкал крупный ученый, профессор Харьковского университета И. В. Нетушил (1850–1928)²⁰. Он считал совершенно недостоверной традицию о римских царях, хотя и не отрицал наличия в Риме царской власти. Второго римского царя Нуму Помпилия он считал мифическим персонажем, отразившим черты «сакрального царя» эпохи ранней Республики. Первым царем, по его мнению, был Тулл Гостилий, завоеватель Альбы-Лонги, а Ромул являлся его двойником. Личность Тарквиния Древнего была, очевидно, создана представлением, что, кроме Тарквиния Гордого, могли быть и другие Тарквинии. Полагая, что традиция о начале Рима представляет собой перенесение в прошлое событий, современных младшим анналистам, Нетушил видел в традиции о Тарквиниях отражение заговора Катилины²¹. Подобно другим гиперкритикам, И. В. Нетушил пренебрегал археологией.

Ученые гиперкритического направления настолько далеко ушли в своей критике античной традиции, что вся история Рима в царский и раннереспубликанский периоды стала напоминать «опытное поле» для различного рода остроумных догадок и филологических упражнений. Однако в разных странах стали раздаваться трезвые голоса, требовавшие более осторожного отношения к исторической критике.

В Италии сторонником умеренной критики (*critica temperata*) источников выступил Де Санктис (1870–1941)²², ученик и последователь известного немецкого историка Юлиуса Белоха. Римское предание, особенно в редакции Тита Ливия, содержит, согласно Де Санктису, достоверные черты. Де Санктис признает достоверность римских фаст в основной их части. Так, он считает, что римский пожар 387 г. до н. э. не мог уничтожить всех документов, и римское предание в редакции Тита Ливия содержит достоверные данные, восходящие к анналам. Де Санктис, подобно Нибуру и Ничу, утверждал, что песни являлись одним из источников римской традиции.

²⁰ И. В. Нетушил. Обзор римской истории, изд. 2-е, 1916; Очерк римских государственных древностей в «Записках Харьковского университета» с 1894 по 1907 г., а также многочисленные статьи в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП).

²¹ И. В. Нетушил. Отражение катилинарской смуты в традиции о Тарквиниях. Харьков, 1913.

²² G. De Sanctis. Storia dei Romani, vol. I. Torino, 1907. Полную библиографию работ Де Санктиса можно найти в приложении к его Studi di storia della storiografia greca, Firenze, 1951. Де Санктиса роднит с Белохом интерес к социально-экономической истории, трактуемой в модернистском плане, а также крайний национализм, приводящий к тому, что он видит в столкновениях между римлянами и этрусками, Римом и Карфагеном расовый конфликт. Философские взгляды Де Санктиса реакционны. Он был сторонником Бергсона и ярким противником исторического материализма.

В России решительным противником гиперкритицизма был выдающийся исследователь В. И. Модестов (1839–1907). Уже в своей ранней работе «Римская письменность в период царей» Модестов ставит цель «положить границы распространяющемуся все более и более, в особенности в Германии, бесплодному скептицизму относительно древнейшей римской истории»²³. Модестов стремится доказать, что письменность существовала у римлян во времена царей, и этим самым отвести важнейший довод сторонников «скептического направления», отрицавших достоверность древнейшей истории Рима.

Недошедшими памятниками римской письменности царского периода Модестов считает так называемые царские законы, союзные договоры, книги понтификов. Отголосками этой древнейшей письменности были отрывки гимна Арвальских братьев и песни салиев. В. И. Модестов в те годы мог оперировать лишь данными традиции, сохранившей упоминания о документах эпохи римских царей. Только в конце XIX в. были открыты памятники древнейшей римской письменности, датируемые VI в. до н. э. Среди них был знаменитый «черный камень» (*lapis niger*) – надпись на форуме со словом «царь»²⁴. Эти открытия подняли дату римской письменности и подтвердили предположения Модестова. Однако в пылу полемики Модестов, несомненно, преувеличил распространение письменности в древнейший период римской истории. Он, например, полагал, что латинский алфавит образовался в Лациуме в эпоху, предшествующую основанию Рима.

Истина, как нередко бывает, оказалась где-то посредине между крайними точками зрения. Современная историческая наука считает несомненным наличие письменности уже в царский период, но полагает, что ее памятники были очень недостаточны.

Гиперкритицизм на почве материи раннего Рима быстро себя изжил. Незадолго до Первой мировой войны в историографии возобладало то умеренное направление в критике источников истории раннего Рима, родоначальником которого считается Де Санктис. К этому направлению могут быть отнесены работы А. Розенберга, Б. Низе²⁵, статьи Эд. Шварца «*Dionysios*», «*Diodoros*» в «Реальной энциклопедии классической древности».

Немецкий историк Корнелиус в первой части своего труда, посвященной хронологии и источниковедению, вопреки радикальной критике, доказывает общую достоверность фактов при наличии в них ошибок и путаницы²⁶.

При рассмотрении источниковедческих работ, написанных в 30-х годах XX века, следует иметь в виду, что выступления против гиперкритицизма со стороны ряда итальянских ученых объяснялись отнюдь не научными соображениями, а политической обстановкой, разгулом национализма в фашистской Италии. В те годы, когда фашистские главарь призывали к возрождению «римского господства» над другими народами, критика Тита Ливия и других древнеримских историков, восхваляющих «римскую доблесть», стала считаться чуть ли не антипатриотическим поступком. В годы господства в Италии фашизма сам Паис отказался от своего критического метода, а его ученик Е. Чиачери²⁷ дал в своем труде образец некритического отношения к источникам.

В годы после Второй мировой войны интерес к источниковедческой тематике сильно ослабел. На страницах современных исторических журналов теперь не встретить той острой

²³ В. И. Модестов. Римская письменность в период царей. «Ученые записки Казанского университета», 1867, вып. V–VI. К этой работе примыкает статья «Скептицизм в римской истории». Казань, 1869.

²⁴ «*Lapis niger*» был найден в 1899 г. Дж. Бонни сразу же привлек внимание ученого мира. Одним из первых откликнулся на находку В. И. Модестов (Древнейшая латинская надпись на римском форуме. ЖМНП, 1900, кн. 3).

²⁵ А. Rosenberg. Einleitung und Quellenkunde zur römischen Geschichte, Berlin, 1921; В. Niese. Grundriss der römischen Geschichte nebst Quellenkunde. Ed. 5. München, 1923.

²⁶ F. Cornélius. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940. S. 58.

²⁷ E. Ciaceri. Le origini di Roma. Roma, 1937.

полемики, которая, например, велась в свое время между Паисом и Белохом²⁸. В общих работах по истории Рима современные историки в Италии, Англии, Франции и Германии склоняются к той «умеренной критике», родоначальником которой считается Де Санктис²⁹.

Источниковедческая тематика в последнее время стала привлекать внимание историков-марксистов разных стран, поскольку от того или иного решения источниковедческих вопросов зависит понимание кардинальных проблем истории.

Вопросы зарождения римской анналистики, появления исторической монографии и антикварных сочинений в лучших традициях В. И. Модестова освещены в коллективном труде советских литературоведов³⁰. Выходящие переводы трудов римских и греческих авторов, в которых содержатся данные по истории раннего Рима и Италии, снабжены обстоятельными вводными статьями, раскрывающими связь данного произведения с событиями политической и социальной истории, классовые позиции авторов³¹. Источниковедческие вопросы глубоко освещаются в ряде работ советских историков. В особенности заслуживает внимания работа в этом направлении Н. Н. Залесского³².

По своему происхождению литературные источники, содержащие сведения о раннем Риме и Италии, могут быть разделены на две группы: свидетельства греков и данные римской историографии. Эти две группы источников нуждаются в самостоятельном рассмотрении.

Свидетельства греков. Древнейшие литературные источники об греков отдаленном прошлом Италии принадлежат ее соседям – грекам³³. Знакомство греков с Сицилией и Италией восходит к Микенской эпохе. О микенских связях свидетельствуют некоторые места «Одиссеи».

В «Одиссее», возникновение которой относят к периоду, предшествующему регулярной колонизации Запада, упоминается Сикания (Odys., XXIV, 307)³⁴. Вне всякого сомнения, это древнее название Сицилии, что подтверждается свидетельствами Геродота (VII, 170) и Фукидида (VI, 1). Упоминается в «Одиссее» и коренное население острова – сикулы. Один из женихов Пенелопы предлагает Телемаху отвезти его гостей на «крутобоком корабле» к сикулам и продать их за «хорошие деньги» (Odys., XX, 376–378). Помимо этого, трижды упоминается рабыня-сикулка, прислуживающая Лаэрту (Odys., XXIV, 211, 365, 388).

Ассоциация Сикании и сикулов с работоторговлей и рабами неслучайна. Она свидетельствует о том, что у населения Греции имелись торговые связи с Сицилией и что рабы являлись наиболее ходким товаром.

Торгово-пиратские предприятия греков на Западе способствовали лучшему ознакомлению со страной и населением. Об этом можно судить по «Теогонии» Гесиода, где имеются более обстоятельные сведения по географии и этнографии Апеннинского полуострова. Гесиод упоминает Этну, Ортигию (островок, где впоследствии возникли Сиракузы³⁵), Лациум и Этрурию, мыс Пелорос. Упоминание последнего говорит о том, что в век Гесиода греческие суда уже проходили через Мессинский пролив.

²⁸ «Studi storici», 1911, № 4, p. 414; 1912, № 5, p. 194; «Rivista d'Italia», 1911, № 4, p. 868.

²⁹ L. Pareti. Storia di Roma, I, Torino, 1952.

³⁰ История римской литературы, под редакцией С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1969.

³¹ Особенно обстоятельный характер носит статья К. К. Зельши «Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae». ВДИ, 1954, № 2, стр. 183.

³² Н. Н. Залесский. Этруски в Северной Италии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959.

³³ Обзор свидетельств греков об Италии (до эпохи Римского господства) содержится в работе знаменитого в другой области Г. Гротефенда. G. Grotefend. Zur Geographie und Geschichte von Altitalien. Hannover, 1840. S. 1–52.

³⁴ Сицилия известна Гомеру также под именем Τρίνοκρία, так как три мыса придают ей вид треугольника (Odys. VI, 107; XII, 127; XIX, 275).

³⁵ Ох. Pap., XI, 358. Ортигия упоминается и Гомером, но под нею подразумевается остров Делос.

К концу VI и началу V в. до н. э. относится более или менее систематическое описание географии и этнографии Италии у логографов Гекатея и Гелланика, дошедшее, к сожалению, в отрывочном виде (FGrH, I, 323a).

Некоторый исторический материал о древнейшей Италии содержит труд Геродота (480–425 гг. до н. э.). Геродот проявил интерес к происхождению этрусков (тирренов), изложив лидийскую легенду о переселении части лидийцев во главе с Тирреном в Италию. Взгляд Геродота на происхождение этрусков стал господствующим в античной историографии. Геродот вовсе не упоминает Рима. Названием «Тиррения» обозначается в его труде весь западный берег Италии к северу от Кум, т. е. и побережье Лациума.

В связи с сицилийским походом Алкивиада немало данных по истории и этнографии Италии и Сицилии сообщает Фукидид. Наибольшее значение имеет его очерк истории греческой колонизации в Великой Греции, содержащий ценные хронологические сведения (Thuc., VI, 2–7).

Особое место среди известий о древнейшей Италии и Сицилии принадлежит работам Антиоха Сиракузского, сына известного философа Ксенофана из Колофона (V в. до н. э.). Антиох был автором сочинений «Об Италии» и «История Сицилии». Обе работы были написаны на ионийском диалекте. Последняя из них охватывала период от мифического царя Кокала, оказавшего будто бы гостеприимство бежавшему из Крита Дедалу, до 424 г. до н. э.³⁶ Повествуя о сикулах, Антиох рассказывает, что они прибыли из Рима (Dion., I, 73). Антиох был главным источником сицилийских глав Фукидида.

Вслед за Антиохом «Историю Сицилии» в 7 книгах изложил сиракузянин Филист (около 435–356 гг. до н. э.). Труд Филиста охватывал древнейший период истории Сицилии и был доведен до взятия карфагенянами Агригента в 406 г. до н. э. (отрывки FGrH, III B, frg. 556).

Цицерон считал Филиста проницательным писателем, а его труд – сжатым и четким, наподобие истории Фукидида, стилю которого подражал Филист. Полагают, что Филист был главным источником Диодора и Плутарха при изложении ими истории Сицилии или биографий политических деятелей греческих колоний.

Более всего был известен римлянам труд сицилийского историка Тимея (около 357–261 гг. до н. э.), состоявший из 38 книг и содержавший не только историю Сицилии до 264 г. до н. э., но и историю Италии и Карфагена (FGrH, III B, 556).

В работе Тимея было много географических описаний, местных легенд, в том числе и легенды об основании Рима. Большой заслугой Тимея являлось изложение исторических событий по олимпиадам, что послужило основой для всеобщей хронологической системы в греческом мире. События древнейшей италийской истории также впервые были приурочены к событиям греческой истории и изложены в определенном порядке.

Внимание к истории Рима привлекло поражение, которое (около 340 г. до н. э.) римляне нанесли галлам. Об этом событии сообщает Эфор, его продолжатель Диил, а также Феопомт (Plin., N.H. III, 57).

Аристотель повествует о троянском происхождении Рима (Arist., Pol., I, 72), Дурис – о победе римлян при Сентине (Diod., XXI, 2, 6).

Аристоксену из Тарента принадлежит первая попытка написать краткую историю латинян (Aristox., frg. 5, 90. FHG II, p. 273).

В III в. до н. э. Диокл из Пепаретоса собрал в одной книге легенды об основании Рима. Эту книгу использовал древнейший римский анналист – Фабий Пиктор (отрывки в FHG I, 3, 74).

С превращением Рима в сильнейшую державу Средиземноморья повествование о его судьбах становится составной частью создаваемых в то время всеобщих историй. В труде исто-

³⁶ Отрывки из Антиоха в FHG, I, 181–184.

рика II в. до н. э. Полибия, систематически излагающего события истории Средиземноморья начиная с 264 г. до н. э., имеется немало отдельных сведений о раннем Риме и Италии.

Фрагмент стелы, найденной в Аркадии в 1880 г., предположительно с изображением ахейского государственного деятеля и историка Полибия. II в. до н.э.

Исключительно важное значение принадлежит приводимым в труде Полибия текстам договоров Рима с Карфагеном, которые являются древнейшими документальными источниками.

В связи с рассказом о походе Ганнибала в Италию Полибий делает экскурс в историю кельтов и их предшественников в Северной Италии – этрусков³⁷. Полибию были известны

³⁷ Подробный обзор свидетельств Полибия о Северной Италии дал Н. Н. Залесский (Этруски в Северной Италии, стр. 15. Там же разбор других данных традиции об этрусской колонизации).

труды других греческих историков, посвященные Италии к Сицилии. К ним он относится критически. Особенно резкую критику вызывает у Полибия историческое сочинение Тимея. Полибий осуждает Тимея за его невежество в области географии.

Можно считать, что Полибий был последним греческим историком, поскольку его деятельность относится еще к периоду государственной самостоятельности Эллады. С превращением в 146 г. до н. э. Греции в римскую провинцию не прекращается развитие историографии на греческом языке, но ее следует рассматривать в тесной связи с римской литературной традицией.

Анналы. Фасты. Устная традиция. Возникновение римской историографии относится к тому периоду, когда Рим представлял собой могущественное государство, претендовавшее на господство в Средиземноморье. Задачей историографии являлось обоснование территориальных и политических притязаний Рима, укрепление у граждан чувства патриотизма, воспитание их на примерах героического прошлого.

Не обладая собственным опытом написания исторических трудов, первые римские историки, естественно, обращались к современной им греческой историографии, имевшей более чем двухвековой опыт. Греческий язык казался римлянам языком музыки истории Клио, и на нем стали создаваться первые произведения исторического жанра.

К эллинистическим образцам восходит пристрастие римских историков к мифологическим сюжетам, риторические приемы и некоторые другие особенности их произведений. Однако создается впечатление, что зависимость римских историков от греческих была меньшей, чем влияние, оказываемое греческими драматургами на римских драматургов, которые, в отличие от историков, писали на латинском языке. Это объясняется характером источников, использованных древнейшими римскими историками. Эти источники наложили такой сильный отпечаток на произведения римских историков, что им присвоили имя «анналистов» по главному их источнику – анналам. Для суждения о достоверности римской традиции следует выяснить, что представляли собой анналы.

Римская община, как отмечает Цицерон, уделяла мало внимания официальным актам (*De leg.*, III, 46). Решения государственных учреждений в Риме стали записываться поздно, и, в отличие от постановлений народных собраний и советов греческих полисов, эти записи не предназначались для ознакомления граждан и поэтому не делались на прочном материале. На камне и металле высекались лишь законы и договоры с другими государствами. Полибий сообщает, что в его время возле храма Юпитера Капитолийского в помещении эдилов сохранялись медные доски с текстами договоров Рима с Карфагеном на старинном, малопонятном во II в. до н. э. языке (*Pol.*, III, 21)³⁸. Дионисий Галикарнасский упоминает надписи времен Ромула, законы Нумы и Анка Марция. Ему был известен договор, заключенный при Тарквиниях между Римом и Габиями и сохраняемый на Квиринале в храме *Semo Sancus*. Цицерон видел бронзовые доски, на которых был записан договор Рима с латинянами (*Cic.*, *Pro Balbo*, 53). Не приходится сомневаться, что римским антикварам были доступны многие древние документы, но, как это видно из замечаний Полибия, ими мало интересовались. Эти документы не оказали заметного влияния на римскую историографию.

Принято считать, что простейшей и поэтому древнейшей формой погодных записей были фасты (*fasti*). Этим словом римляне обозначали как дни, когда религиозными обычаями разрешалось совершение государственных и частных дел (*dies fasti*), так и списки должностных лиц, по именам которых определялся год. Списки магистратов-эпонимов как бы служили добав-

³⁸ В современной историографии господствует мнение, что Полибий сохранил в своем труде точные копии договоров с Карфагеном: *A. Momigliano*. Due punti di storia romana arcaica. «*Studia et documenta Historia et Juris*». 1936, p. 3; *Beaumont*. The Date of the First Treaty between Rome and Carthage. «*Journal of Roman Studies*». XXIX, 1939, p. 74; *E. Rupprecht*. Zu den Karthagenverträgen. «*Klio*», XXII, 1939. S. 105; *L. Pareti*. Ук. соч., стр. 330; *R. Paribeni*. Le origini e il periodo regio. Bologna, 1954, p. 133–134; иначе *Th. Mommsen*. Römische Chronologie. Berlin, 1859. S. 320.

лением к календарю и обозначались одним и тем же словом. Составлением фаст занимались понтифики, которые не допускали к этому непосвященных. Поэтому опубликование в 304 г. до н. э. фаст вольноотпущенником Гнеем Флавием считалось нарушением древних обычаев.

Очень важным является вопрос о времени, когда начали составляться фасты, включавшие списки должностных лиц – эпонимов. Моммзен считал несомненным, что фасты первоначально являлись составной частью законов XII таблиц. Многие исследователи полагают, что фасты велись с начала Республики. Как бы то ни было, фасты являлись первоисточником, восходящим к древнейшей эпохе. Фасты, как и другие письменные памятники раннего Рима, были уничтожены во время захвата Рима галлами в 390 г. до н. э. В лучшем случае они могли быть восстановлены по памяти³⁹.

В эпоху Августа, когда особое внимание уделялось соблюдению старинных обычаев, были составлены так называемые Капитолийские фасты – списки консулов, доведенные до 13 г. н. э., и Триумфальные фасты – списки триумфаторов, доведенные до 19 г. до н. э. И те и другие не имеют значения первоисточников, так как представляют выборки из трудов антикваров I в. до н. э. Однако поскольку труды антикваров основывались на первоисточниках, Капитолийские и Триумфальные фасты сохраняют ценность. Так, во всяком случае, считал Т. Моммзен, высоко оценивавший достоверность фаст⁴⁰.

Капитолийские фасты

Наряду с календарными записями понтифики составляли заметки более широкого содержания, служившие как бы прибавлением к фастам. В этих заметках фиксировались различного рода примечательные события – стихийные бедствия, войны и т. д. Из сообщений римских историков и антикваров можно заключить, что выбеленная таблица – *tabula dealbata* –

³⁹ Г. Мартынов. О начале римской летописи. «Уч. зап. Моск. ун-та», отдел историко-филологический, т. XXXII, 1904; С. И. Радциг. Начало римской летописи, там же.

⁴⁰ Th. Mommsen. Röm. Forschungen, Bd. II. S. 58. Полностью отрицает достоверность фаст Этторе Паис: E. Pais. Storia di Roma, vol. I. 1898. Histoire romaine... Glotz. Histoire générale. Paris, 1926, p. 3–4.

с этими заметками выставлялась для всеобщего обозрения⁴¹. Возникает вопрос, с какого времени велась эта запись. Поскольку, согласно Сервию, содержание этих летописей составляли *domi militiaeque, terra marique gesta*, исследователи полагают, что записывание началось со времени I Пунической войны. Паис считает, что таблицы понтификов восходят ко времени цензуры Аппия Клавдия и курульного эдилитета Гнея Флавия (304 г. до н. э.)⁴².

В эпоху Гракхов (около 130 г. до н. э.) верховный понтифик П. Муций Сцевола собрал старые записи в один сборник из 80 книг, получивший название *annales maximi*. Фест и Сервий объясняют это названием тем, что анналы составлял великий понтифик (*pontifex maximus*)⁴³. Однако возможно и то толкование, которое отвергают римские антиквары: великие от величины. В этом случае можно допустить существование помимо *annales maximi* других, более ранних, но менее пространственных сборников, т. е. наличие понтификальной историографии⁴⁴.

С деятельностью понтификов связано не только начало летописания, но также область сакрального права. Согласно свидетельству Дионисия (Dion., III, 36), великий понтифик Г. Папирий обновил *sacrorum commentarii*, составленные Нумой Помпилием. Помпоний считает, что Папирий жил при Тарквинии Гордом и собрал «*leges regiae*» (Dig., I, 2, 20). Если верить этому, «царские законы» – первый законодательный памятник Рима, и римские историки, описывавшие царский период, могли пользоваться ими. В современной литературе высказано мнение, что эти законы были извлечены из книг понтификов в I в. до н. э.⁴⁵ Но законы Нумы были известны М. Мамилию еще во II в. до н. э. Поэтому вернее будет считать, что так называемые *leges regiae* были обнародованы в III–II вв. до н. э., во всяком случае, после галльского пожара.

Чтобы записать историю от основания Рима, недостаточно было обладания анналами и фастами, тем более что анналы стали составляться лишь в III в. до н. э., а древнейшие документы были, по свидетельству Тита Ливия, уничтожены галльским пожаром. По-видимому, в распоряжении анналистов имелись еще какие-то источники, которые позволили им дать связанное изложение римской истории, наподобие того, какое мы находим у Тита Ливия. Вопрос об этих источниках является одним из наиболее спорных и, как мы видели, имеет свою историю – это вопрос о народной поэзии.

В настоящее время мало кто сомневается в существовании поэзии у римлян. Только исходя из этого можно объяснить популярность комедий Плавта, который, конечно, не сам создал свою систему стихосложения. О язвительных и печальных песнях упоминают законы XII таблиц. Вполне вероятно существование песен, восхваляющих военные подвиги, наподобие былин.

Вопрос, в какой мере исторические песни, да и вообще устная традиция, были использованы анналистами, является спорным. В настоящее время гипотеза Перизония – Нибура имеет как решительных приверженцев, так и яростных противников. Противники этой гипотезы, сколь бы остроумны ни были их соображения, не могут объяснить, откуда черпали римские историки свои сведения о царском периоде и эпохе ранней Республики, если письменные документы были уничтожены галльским пожаром. Не могли же легенды о Камилле, Кориолане быть выдумкой самих анналистов. Эти легенды явно свидетельствуют о их поэтическом происхождении.

⁴¹ Serv., Aen., I, 373; Cato apud Gell, II, 28, 6, – tabula apud pontificem maximum; Dion., I, 74, 3.

⁴² E. Pais. Histoire romaine..., p. 4.

⁴³ Fest., ed. Linds., p. 113 – maximi annales non magnitudine sed quod eos pontifex maximus confecisset; Serv., Aen., I, 373. – Eosque a pontificibus maximis a quibus fiebant, annales maximos apellarunt.

⁴⁴ Об *annales maximi* см. Cichorius, RE, I, 2248.

⁴⁵ История римской литературы. М., 1959, стр. 134.

Под устной традицией следует понимать не только застольные песни, упомянутые Катонем, но и различного рода предания, передававшиеся из уст в уста. Следы этих преданий, восходящих к римским родам, весьма ощутимы в римской историографии.

Источниками этих преданий могли быть выставляемые потомками щиты с портретами и описаниями деяний предков или, наконец, погребальные речи⁴⁶.

Эту группу источников детально оценивает Цицерон (*Brut.*, XVI, 61). Он отмечает ее апологетический характер, выражающийся в прямой фальсификации, чтобы показать знатность своего рода и великие заслуги своих предков.

Старшие анналисты. В историографии принято разделять анналистов на «старших» и «младших». Общую характеристику старшим анналистам дает Цицерон. Сравнивая их с логографами, он указывает, что их сочинения были лишены словесных украшений, что они стремились лишь к тому, чтобы рассказ был понятен и краток. В сочинениях анналистов указывались лишь даты, люди, места и события.

То, что Цицерон считал недостатком, с точки зрения исторической достоверности следует признать достоинством. Сухость изложения, свойственная старшим анналистам, объяснялась, очевидно, тем, что они следовали своему главному источнику – летописи великих понтификов, о «пустоте» которой сообщает Цицерон (*Cic.*, *De leg.*, I, 2, 6).

Особенно хорошо был знаком позднейшим римским историкам Кв. Фабий Пиктор (род. ок. 254 г. до н. э.)⁴⁷. Он написал «Анналы», заканчивавшиеся изложением событий II Пунической войны. В то время как рассказ о II Пунической войне был обстоятельным, хотя и тенденциозным (*Pol.*, III, 9, 1–5), повествование о предшествующих событиях было очень кратким (*Dion.*, I, 6, 2).

Труд Фабия Пиктора был источником для «Римской археологии» Дионисия Галикарнасского, как и для работы Тита Ливия, который ссылается на Фабия Пиктора шесть раз. Фабий Пиктор был известен также Полибию, Диодору Сицилийскому, Страбону, Плутарху, Диону Кассию. Помимо анналов, написанных на греческом языке, имелось несохранившееся латинское издание, вероятно позднейшая обработка, во всяком случае не самого Фабия⁴⁸.

Современником Фабия Пиктора был Луций Цинций Алимент⁴⁹. Он изложил римскую историю до II Пунической войны на греческом языке. Заглавие и построение его труда неизвестны. Полагают, что он пользовался теми же источниками, что и Фабий Пиктор, и прежде всего – летописью великого понтифика. Рим, согласно Цинцию Алименту, был основан в 729 г. до н. э. Отзывов о труде Алимента нет, однако известно, что им пользовались Ливии и Дионисий Галикарнасский. Фрагменты из этого труда сохранены Сервием и еще одним грамматиком IV в. до н. э.⁵⁰

К числу старших анналистов относят писателя II в. до н. э. Гая Ацилия⁵¹. Он начал свой исторический труд со времен Эвандра. Видимо, Ацилий более других своих предшественников увлекался греческими источниками и даже считал, что Рим был основан греками (*Strabo*, V, 3, 3). На Ацилия ссылаются Цицерон, Дионисий, Страбон, Плутарх, Тит Ливий. Судя по этим ссылкам, в изложении Гая Ацилия было много незначительных подробностей.

⁴⁶ *Plin.*, N. H. 35, 3, 3. По словам Плиния, Апхий Клавдий Слепой впервые выставил щиты в храме Беллоны.

⁴⁷ Фабий Пиктор был участником II Пунической войны. После битвы при Каннах был послан к Дельфийскому оракулу (*Liv.*, XXII, 57, 5; *Plut.*, *Fab. Max.*, 18).

⁴⁸ Фрагменты в «*Historicorum Romanorum Reliquiae*» (HRR), I, 5. О Фабии Пикторе обстоятельная статья Мюнцера в *RE*, Bd. VI, 1836. См. также: *C. Wachsmuth. Einleitung in das Studium der alten Geschichte*, 1895. S. 622.

⁴⁹ Претор 210 г. до н. э. Разбит в 208 г. до н. э. при Локрах.

⁵⁰ HRR, I, 40.

⁵¹ Известно, что в 155 г. до н. э. Гай Ацилий был переводчиком у прибывших в Рим греческих философов (*A. Gell.*, VI, 14, 9).

Еще менее мы знаем о труде Авла Постумия Альбина, хотя о самом авторе сохранились подробные отзывы⁵². В отзыве Полибия приводятся слова Марка Порция Катона, издевавшегося над Альбином за то, что последний извинялся перед читателями за свое плохое знание греческого языка. Труд Авла Постумия Альбина, по-видимому, начинавшийся с рассказа об основании Рима, мало читался и был вскоре забыт.

Первым римским историком, писавшим на латинском языке, был Марк Порций Катон Старший (234–149 гг. до н. э.). Его историческое сочинение «Origines» состояло из 7 книг. Оно обнимало историю Рима от основания до времени Катона⁵³. Корнелий Непот так передает содержание этого труда: «Первая книга содержит деяния царей народа римского (*res gestas regum populi romani*), вторая и третья – откуда началось каждое италийское государство, вследствие чего и все сочинение, кажется, он озаглавил «Origines». В четвертой говорится о Первой Пунической войне, в пятой – о Второй» (Cato, 3, 3).

Марк Порций Катон Старший (предполагаемый портрет). 80-е гг. до н.э. Рим. Музей Торлониа

Из этого изложения видно, что Катон отказался от анналистического порядка погодного изложения и от царского периода перешел к I Пунической войне, пропустив два с половиной столетия истории Римской республики. Существуют различные объяснения причин этого про-

⁵² Положительный отзыв принадлежит Цицерону (Brutus, 21, 8), а резко отрицательный – Полибию (Pol., XXXIX, 12, 1). Анналист был претором в 155 г. до н. э., консулом в 151 г. до н. э.

⁵³ Фрагменты в HRR, I, 51.

пуска. По мнению большинства исследователей, пропуск объясняется тем, что Катон не хотел повторять летопись понтификов.

Наибольший интерес должна была представлять вторая книга Катона, поскольку никто из римских историков до него не занимался древнейшей историей италийских племен и государств. Возникает вопрос: какими источниками мог пользоваться Катон при написании этой книги?

Истории италийских городов, как известно, были посвящены работы Антиоха Сиракузского и Тимея. Не исключено, что Катон пользовался ими. Ему могли быть также известны некоторые устные предания италийских племен и общин, хранившиеся в памяти в виде песен, о которых сообщает сам Катон. Один из фрагментов II книги «*Origines*» дает представление о характере этих преданий. Это рассказ о царе вольсков Метабе, изгнанном своими подданными. По словам Сервия, сохранившего этот отрывок, Катон изложил историю Метаба очень подробно. Поскольку это же предание было передано Вергилием (VII, 803, XI, 432–867), можно считать, что Катон подробно рассказывал о Камилле, дочери Метаба, о ее подвигах на охоте и на войне.

Как видно из характеристики Непота, Катон обращал главное внимание на факты, вызывающие удивление (*admiranda*). Это, очевидно, рассказы наподобие сохранившегося во фрагменте 52 о козах, прыгающих на 60 футов со скалы, или о свиньях, настолько жирных, что они не могут стоять и ходить (frg. 39).

Известна и другая особенность труда Катона. Излагая войны, Катон не упоминал имен военачальников⁵⁴.

Биограф Катона Корнелий Непот указывает на «большое старание и точность Катона». Другие писатели также отмечают его эрудицию. Цицерон утверждает, что «в нашем государстве в те времена ничего нельзя было знать и изучить такого, что бы он (Катон) не исследовал и не знал, а потом не написал», однако констатирует, что в его время было мало любителей Катона. Цицерон объясняет это тем, что «Начала» не обладают блеском красноречия. Очевидно, дело не только в способе изложения, но и в содержании труда Катона. Вряд ли труд Фабия Пиктора был более удобочитаем, чем «*Origines*» Катона. Однако трудом Фабия больше пользовались, его больше читали.

Содержавший в основном легендарные сведения, не упоминавший имен полководцев труд Катона, по-видимому, не давал ничего нового для истории древнейшего Рима, поэтому Ливий и не пользовался трудом Катона при изложении событий первой декады. Зато труд Катона привлек внимание Дионисия Галикарнасского, который, как известно, больше, чем кто-либо другой, излагает легенды о городах Италии.

Примеру Катона, впервые написавшего историю на родном языке, последовал Луций Кассий Гемини, живший во II в. до н. э.⁵⁵ Сочинение Гемини «*Annales*» начиналось с древнейшей истории Италии, которой была посвящена вся первая книга. Вторая книга содержала историю основания Рима, историю царского периода и ранней Республики. Вся остальная история Рима заключалась в III и IV книгах.

Из сочинения Гемини сохранилось 40 отрывков, содержащих в основном описания различных необыкновенных явлений. Наиболее интересен фрагмент 37, сохранный Плинием Старшим (XIII, 84–86). Он рассказывает о том, что в 181 г. до н. э. писец Гней Теренций нашел гроб Нумы Помпилия с папирусными свитками, содержащими сочинения Пифагора⁵⁶.

⁵⁴ Corn. Nep., Sato, 3, 3. Об этой же особенности как курьезе говорит Плиний: «Катон, устранив из своей летописи имена полководцев, сообщил, что слона, с чрезвычайной храбростью сражавшегося в карфагенском войске, звали Суром» (N. H., VIII, 11).

⁵⁵ Schanz. Geschichte der römischen Literatur. München, 1890–1920. Bd. I. S. 194.

⁵⁶ О пифагореизме второго римского царя см. И. В. Нетушил. О пифагореизме Нумы. «Филолог. обзор.», т. IX; Ю. И. Кулаковский. К вопросу о пифагореизме Нумы. «Филолог. обзор.», т. X; И. В. Нетушил. По поводу вопроса о пифагореизме Нумы.

Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский не упоминают о Гемине, цитируют его только антиквары императорской эпохи.

«Анналы» на латинском языке написал современник Гракхов Л. Кальпурний Пизон Фруги⁵⁷. Его сочинение состояло из 7 книг и, как у других анналистов, содержало подробное изложение событий царского периода и современной автору эпохи. История ранней Республики была изложена кратко. Кальпурний Пизон вольно обращался с легендами римской старины. Известную легенду о том, что Ромул для увеличения населения города основал на Капитолии убежище – *inter duos lucos* (между двумя рощами), Пизон дополняет рассказом о неизвестном никому из римских писателей боге *Lucaris* (frg. 4 FHR, Peter).

Кальпурний Пизон излагает также легенду о предательнице Тарпее, пропустившей сабинов на Капитолий. Согласно другим писателям, Тарпея в награду за предательство попросила у царя сабинян Тита Тация то, что они носят на руках (имея в виду золотые браслеты), но они забросали ее щитами. Кальпурний Пизон разъясняет, что Тарпея потребовала щиты, чтобы обезоружить врагов. Так из предательницы Тарпея превратилась в героиню.

История раннего Рима давала Кальпурнию Пизону материал для всевозможного рода нравоучений. Так, во фрагменте 8 он рассказывает о Ромуле, отказавшемся пить вино на обеде, так как у него на следующий день было дело.

Кальпурний Пизон небрежен в изложении фактического материала, датирует событие правлением одного консула, произвольно обращается с цифрами. Так, он указывает, что при завоевании Помптины Тарквиний Гордый захватил 13 000 кг серебра (по Фабию Пиктору, 1048 кг). Особое пристрастие Кальпурний Пизон питает к анекдотическим подробностям. В общей оценке Кальпурния Пизона можно согласиться с К. Латте: «В то время как вся античная историография, за редким исключением, колеблется между историей и романом, колебания у Л. Кальпурния Фруги всегда в сторону романа»⁵⁸.

Тит Ливий ссылается на Кальпурния Пизона в первой декаде (Liv., I, 55, 8; II, 32; III, 2; X, 9, 12).

Примерно к тому же времени, что и произведение Кальпурния Пизона, относят «Анналы» Гн. Геллия. Очевидно, они были доведены до 146 г. до н. э. и состояли из 97 книг. «Анналами» Геллия широко пользовался Дионисий Галикарнасский (имеется шесть ссылок). Из этого сочинения сохранились 33 фрагмента, малозначительные по своему содержанию⁵⁹.

Младшие анналисты. Историков 80–50 гг. I в. до н. э., излагавших события римской истории погодно, принято называть младшими анналистами. Младшая анналистика отличается от старшей риторической обработкой произведений и еще большей склонностью к вымыслам.

Древнейшая история Рима освещалась в «Анналах» Гая Лициния Макра. Судя по сохранившемуся фрагменту, он пытался дать рационалистическое толкование римским мифам. Вместо традиционной волчицы анналист сообщает об Акке Ларенции. Достоинством работы Лициния Макра, если верить Титу Ливию (IV, 7, 12; IV, 20, 8; IV, 23, 2), было то, что Лициний не только пользовался трудами предшественников, но и обращался к первоисточникам. Крупнейшим недостатком «Анналов» Гая Лициния Макра было восхваление своего рода. Очевидно, к «Анналам» Лициния Макра восходят те подробные описания борьбы плебеев против патрициев, что мы находим у Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского. Ливий упоминает Лициния в семи местах, Дионисий – в шести.

«Филолог. обзор.», т. X.

⁵⁷ Он был претором 136 г. до н. э., консулом 133 г. до н. э., осаждал захваченную восставшими рабами Энну, был противником Гракхов. В 121 г. до н. э. избран цензором. См. о нем статью К. Латте. *Der Historiker L. Calpurnius Frugi*. Berlin, 1959.

⁵⁸ К. Латте. Ук. соч., стр. 12.

⁵⁹ 57 HRR, I, 165. О Гнее Геллии см. *Schanz*. Ук. соч., т. 1, стр. 276. Münzer, RE. Bd. VII, 999.

Большое по объему историческое сочинение написал Валерий Анциат. Оно насчитывало не менее чем семьдесят пять книг и охватывало всю историю Рима с древнейших времен. Подробное изложение достигалось детализацией, источником которой был вымысел. Так, анналист сообщает в точности число похищенных сабинянок (527). Анналы Валерия Анциата отличались тем же недостатком, что и историческое произведение Лициния Макра, – возвеличением собственного рода. Трудом Валерия пользовались Ливий, Дионисий и Плутарх.

Известно, что истории Рима с древнейших времен были посвящены «Анналы» Кв. Элия Туберона, но об этом произведении не сохранилось каких-либо сведений.

Произведения антикваров. Во II–I вв. до н. э. получили распространение исследования антикварного характера, касавшиеся всего прошлого Рима. Элий Стилон из Ланувия считался знатоком греческой и римской литературы, компетентным критиком древних авторов и текстов. Его ученик М. Теренций Варрон, один из наиболее эрудированных римских писателей, написал ряд работ по истории и археологии Рима. Одно из его сочинений «О жизни римского народа» охватывало всю римскую историю до времени автора. Судя по сохранившимся отрывкам, Варрон излагал не только политическую историю, но освещал также нравы, обычаи и предания римлян⁶⁰. В другом сочинении «De gente populi Romani» Варрон восхвалял быт и нравы римлян, указывая, что римляне заимствовали у других народов⁶¹.

Самый крупный труд Варрона, «Древности», состоял из 41 книги. По свидетельству Августина, хорошо знавшего сочинения Варрона и сохранившего ряд отрывков из них, «Древности» состояли из двух частей: «Дела человеческие» и «Дела божеские». Очевидно, первая из них содержала сведения по этнографии, географии, истории, вторая – по религии и культуре.

Из грамматических сочинений Варрона частично дошел трактат «О латинском языке» (V–X книги из 26 книг). В сохранившихся книгах содержится ряд цитат из произведений греческих, и латинских авторов, а также из архаических памятников латинского языка. Большой интерес представляет этимология отдельных слов, которую сообщает Варрон.

Главным представителем антикварного направления считается Веррий Флакк, современник Августа и воспитатель его внуков. Веррию принадлежали такие сочинения, как «Книги этрусских дел», «Книги дел, достойных памяти», «О значении слов». Извлечение последнего сочинения (эпитомы) составил Секст Помпей Фест, живший предположительно в конце II – начале III в. Эпитомы Феста состояли из 20 книг. Они сохранились в одной рукописи XI в. с многочисленными пропусками в тексте из-за порчи рукописи. Лексикон Феста, в свою очередь, сократил Павел. Диакон, писатель времени Карла Великого, умерший около 800 г.

Цицерон. Особое место среди источников по истории раннего Рима занимает трактат Цицерона «О государстве», написанный в 54 г. до н. э.⁶². Вторая книга этого трактата в форме диалога посвящена истории римских царей и начальному периоду Республики. В отличие от Критского, Спартанского и Афинского государств, созданных, по мнению Цицерона, великими законодателями – Миносом, Ликургом, Драконтом, Солоном и Клисфеном, Римское государство – создание не одного человека, оно – плод веков и многих человеческих поколений.

⁶⁰ Отрывки этого произведения, особенно ценные для изучения древнейшей топографии Рима, сохранены Г. Юлием Солином (III в.), составителем «Collectanea rerum memorabilium».

⁶¹ См. P. Fraccaro. Studi varroniani de gente populi Romani. Padua, 1907.

⁶² Обширная библиография работ, посвященных этому трактату, в тейбнеровском издании 1960 г. «De re publica», стр. XLVI.

Бюст Цицерона. Сер. I в. н.э. Капитолийские музеи. Рим

Такая установка заставляет Цицерона рассматривать деятельность всех римских царей, начиная с Ромула. Цицерон не только останавливается на таких «событиях» царствования Ромула, как основание Рима и похищение сабинянок, но и рассматривает взаимоотношения Ромула с сенатом и народом. Подробно освещает Цицерон деятельность царей этрусской династии. Цицерон принимает версию, согласно которой Тарквиний Древний был сыном коринфянина Демарата. Из приписываемых Тарквинию Древнему мероприятий Цицерон выделяет реформу конницы, его войны с эквами и сабинами, основание храма Юпитера Капитолийского.

До Тарквиния Гордого царская власть в Риме трактуется как справедливая форма правления – *regnum justum* (Cic., *De re publ.*, II, 28, 50).

Цицерон рассматривает Сервия Туллия как народного избранника и благодетеля, освободившего за свои деньги должников из кабалы и давшего справедливые законы. Центуриатную реформу Сервия Туллия Цицерон оценивает в духе, аристократического учения о государстве, согласно которому власть должна принадлежать не большинству, а лучшим людям.

Другой трактат Цицерона, «О законах», сохранил драгоценные указания о постановлениях, содержащихся в древнейшем римском законодательном памятнике – законах XII таблиц. Трактаты Цицерона представляют государственно-правовое предание, которое, по-видимому, наиболее достоверно.

В своем трактате «О государстве» Цицерон опирался на данные Полибия. Одновременно он использовал произведения римских антикваров, и прежде всего труды Варрона. Цицерону было также хорошо знакомо сочинение его друга Т. Помпония Аттика, охватывавшее всю исто-

рию Рима (Cic., Orat., 34, 120; Brut., III, 13; ср. Corn. Nep., Att., 18, 1), как и исследования Аттика, посвященные отдельным римским родам – Юниям, Марцеллам, Фабиям, Эмилиям.

Диодор Сицилийский. История древнейшего Рима нашла освещение в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (ок. 80–29 гг. до н. э.). Сообщаемые в этом произведении факты часто отличаются от тех, какие можно найти в трудах Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского. Хронология древнейшей римской истории у Диодора также отличается от хронологии, принятой римскими анналистами. Так, в отличие от них он датирует первую сецессию плебеев не 495, а 471 г. до н. э.⁶³ Современные исследователи во многом ставят известия Диодора выше данных Ливия и Дионисия. Установлено, например, что диодоровский список четырех трибунов 471 г. до н. э. древнейший, свободный от позднейших фальсификаций⁶⁴.

Рассказ Диодора о децемвирате не содержит псевдоисторических вставок, внесенных Ливием и Дионисием в свои труды. При изложении событий галльской катастрофы Диодор (или его источник) более объективен, чем Тит Ливий, который из патриотических побуждений приписал римлянам окончательную победу над галлами и дискредитировал этим свой рассказ о галльском нашествии.

Более четко, чем у Ливия, изложена Диодором война римлян с самнитами (XIX, 10, 2; 72, 8; XX, 80). Как полагают, при описании самнитских войн Диодор использовал Дуриса⁶⁵. Изложение событий начинается с того года, когда описывается деятельность Агафокла. Дурис прямо упомянут Диодором во фрагменте о битве при Сентине (XXI, irg. 6). И, наконец, изложение событий Самнитских войн у Диодора носит объективный характер, что свидетельствует об использовании им неримского автора.

Источником Диодора для ранней римской истории было, по-видимому, произведение одного из старших анналистов, возможно, Фабия Пиктора. Решающим доводом в пользу этого предположения служит отсутствие у Диодора красочных деталей, столь характерных для младших анналистов.

Дионисий Галикарнасский. Совсем иной характер носит труд другого греческого писателя времени Августа – Дионисия Галикарнасского «Римская археология». Дионисий рассматривает историю Рима с древнейших легендарных времен до I Пунической войны. Труд имел 20 книг, от которых сохранились первые десять и большая часть одиннадцатой.

Дионисий посвятил свой труд восхвалению римских фамилий, римских законов, римской доблести. Он заявляет, что римские погребальные речи – *laudationes* – стоят выше греческих, а законы XII таблиц своей мудростью превосходят греческие законы (V, 17; XI, 44). В восстановлении отдаленного прошлого Рима Дионисий широко использует всевозможного рода неримские материалы. Его произведение пронизано греческими политико-философскими идеями. Ромул у Дионисия, подобно греческим философам, рассуждает о трех формах правления (II, 18). Весь труд переполнен напыщенными речами, которые могут служить образцом риторического искусства самого автора. В то же самое время «Римская археология» содержит немало ценных сведений, которые Дионисий заимствовал у Фабия Пиктора, Валерия Анциата, Лициния Макра, Веннония и, что особенно важно, из исторических произведений Теренция Варрона.

В современной литературе имеется и иной взгляд на источники Дионисия. Поленц полагает, что сочинение Дионисия основывалось не на многих источниках, а включало памфлет неизвестного греческого ритора эпохи Цезаря. Аргументом в пользу этого взгляда служит высказанная в труде Дионисия концепция о «согласии сословий», свойственная эпохе

⁶³ Вопросы хронологии римской истории Диодора разобраны *J. Perl. Kritische Untersuchungen zu Diodors römischen Jahrzählung*. Berlin 1957.

⁶⁴ *G. Nicolini. I fasti dei tribuni delle plebe*. Milano, 1934.

⁶⁵ *F. Cornelius*. Ук. соч., стр. 33.

Цезаря, и многое в так называемом законодательстве Ромула, сходное с мероприятиями Цезаря⁶⁶. Современный итальянский исследователь Эмилио Габа также считает, что при изложении законодательства Ромула Дионисий пользовался политическим трактатом неизвестного автора, но полагает, что этот трактат относился к сулладской эпохе⁶⁷.

Вопрос об источниках Дионисия является спорным. Какой бы точки зрения мы ни придерживались, остается очевидным, что у Дионисия много нигде не встречающихся данных по этнографии и истории древнейшей Италии. Вряд ли эти данные могли быть заимствованы из политического памфлета.

Тит Ливий. Римское предание о древнейшем прошлом города в наиболее полном виде сохранено Титом Ливием⁶⁸. История древнейшего Рима и Италии занимает у Ливия небольшое место по сравнению с современной ему историей и может рассматриваться как введение. Первые десять книг обнимают около пяти веков истории Рима, а тридцатилетие от смерти Суллы до убийства Цезаря – тридцать книг. В то же самое время древнейшая история Рима, как надо думать, привлекла наибольшие симпатии автора. В преданиях римской старины он искал успокоения от бурных событий современности, а в ее легендарных героях видел идеал граждан и государственных деятелей. Идеализация старины не могла не сказаться на характере повествования и прежде всего определила выбор патриотических и религиозно-нравоучительных примеров, обусловила особый интерес автора к событиям военной истории.

Кругозор Тита Ливия ограничен римской анналистикой. Он не пишет всемирную историю, как его современник Трог Помпей. У него нет ясного представления о древнейшей географии и этнографии Италии. Его не интересуют вопросы хронологии событий. Об общественном и государственном строе древнейшего Рима Ливии судит по современным ему условиям жизни. Так, он переносит в древность свое представление о плебейх как о городской черни.

В то же самое время Тит Ливий стремится быть добросовестным и беспристрастным и сам заявляет, что «не хочет черпать из ненадежных источников» (Liv., XXII, 7, 14). Он отдает себе отчет, что написание труда по древнейшей истории Рима затрудняется отсутствием современных документов и письменных памятников вообще. Но, поскольку Ливий не ставил своей целью установить истинность или ложность предания, он просто сравнивал показания своих предшественников, принимая ту версию, которая похожа на истину или принадлежит более авторитетному писателю.

Существует обширная литература об источниках Тита Ливия и о методах его работы над ними⁶⁹. Во многих случаях Ливий сам указывает свои источники. Так, в первой декаде он называет анналистов Фабия Пиктора, Клавдия Квадригария, Лициния Макра, Элия Туберона, Цинция Алимента. Возможно, что он пользовался и другими источниками, поскольку упоминание источника имеет место лишь тогда, когда Ливий находит в нем лакуны или ошибки. Ливий ни разу не упоминает исторического сочинения Варрона «О жизни римского народа», обнимавшего всю историю Рима, хотя вряд ли можно думать, что он не был с ним знаком. «Начала» Катона используются Ливием лишь в IV декаде, где рассказывается о деятельности самого Катона, да и вообще Ливий отдает предпочтение младшим анналистам.

Будучи убежден, что благочестие римлян и вера в богов обеспечили Риму преобладание над другими народами, Ливий уделяет большое внимание описанию всякого рода знамений и

⁶⁶ M. Pohlenz. Eine politische Tendenzschrift aus Caesares Zeit. «Hermes», 1924, LIX. S. 157.

⁶⁷ E. Gabba. Studi su Dionigi da Alicarnasso. «Atheneum», 1960, vol. 39, fasc. 1–2, p. 98–121.

⁶⁸ Титу Ливию посвящено значительное количество монографий и статей. Важнейшие из них: P. Zaccan. Tito Livio. Milano, 1940; H. Bornecque. Tite Livie. Paris, 1933; F. Hellman. Livius. Interpretationen. Berlin, 1939. Об отношении современных ученых к достоверности Тита Ливия: E. Ciacegi. L'Opera di Livio e la moderna critica storica. Roma, 1943. Из старых работ: H. Taine. Essai sur Tite Livie. Paris, 1910 (5-е издание). Есть русский перевод: И. Тэн. Тит Ливий. Критическое исследование. Пер. с франц. Н. Н. Герье. М., 1900.

⁶⁹ Об источниках первой декады см. работы: Schanz. Ук. соч., стр. 334; W. Soltau. Livius Geschichtswerk und seine Quellen. Leipzig, 1897; J. Seemüller. Die Doubletten in der ersten Dekade des Livius. Neuburg, 1904; С. И. Падице. Ук. соч., стр. 61–142.

чудес. В этом также сказался консерватизм автора, осуждавшего пренебрежительное отношение к чудесным явлениям, которые перестали даже заноситься в летописи этого периода⁷⁰. В то же время Тит Ливий критически относился к сообщениям анналистов о чудесах. Он отбрасывает легенды об Акке Ларенции, Пике и Фавне, которые приводились Лицинием Макром и Валерием Анциатом. Некоторым чудесам он дает рациональное объяснение или видит в них проявление суеверия.

На содержании исторического произведения Тита Ливия сказались политические взгляды историка. Ливий – враг насилия, тирании, друг свободы. Он считает необходимой царскую власть в первые времена Рима, так как она обеспечила безопасность гражданам. К плебеям и их вожакам – народным трибунам – Ливий относится отрицательно, полагая, что единственной опорой свободы являлся сенат, а патриции были носителями законности, патриотизма и других гражданских добродетелей. В то же самое время Ливий неоднократно указывает на недостатки патрициев, надменность и жестокость.

В общей оценке труда Тита Ливия как источника для изучения истории раннего Рима и Италии в историографии нет единого мнения. В последнее время, однако, все более и более находят поддержку высказывания некоторых историков о сравнительной достоверности ливийской традиции.

Трог Помпей. Первую всемирную историю на латинском языке создал выходец из Галлии Трог Помпей⁷¹. Эта история появилась около 7 г. н. э. под названием «*Historiae Philippicae*». Центральное место в изложении занимает история Македонии при Филиппе II и Александре и история Греко-македонских царств, возникших на развалинах империи Александра. Но наряду с этим автор осветил историю стран Западного и Восточного Средиземноморья, вошедших в состав Римской империи. Произведение Трга Помпея было сравнительно рано утрачено, и судить о нем можем лишь по выдержкам, составленным Юстином (III в.), и по «Прологам» – оглавлению всех 44 книг сочинения Трга.

Истории раннего Рима Трог Помпей касался в предпоследней книге своего труда. Судя по сообщению Юстина, рассказ о начале Римского государства был кратким (XLIII). Он частично сохранился в эпитамах Юстина. Мы находим здесь известные легенды о Сатурне, Пике, Фавне, Эвандре, Энее, Ромуле. Значительно больший интерес представляют сохраненные Юстином сведения Трга о происхождении племен и городов Италии. В XX книге Трог Помпей изложил историю греческой колонизации в Италии, а также материал о венецах и о вторжении в Италию галлов. В XLIII книге в связи с рассказом об основании Массилии Трог излагал историю лигуров, древнейших обитателей Юго-Западной Европы⁷². Содержавшиеся в I книге сведения о происхождении этрусков опущены Юстином, как и данные по древнейшей истории Сицилии (IV книга).

Вопрос об источниках Трга Помпея привлекал внимание многих исследователей. Гутшмид считал труд Помпея переработкой сочинения греческого автора из Александрии по имени Тимаген⁷³.

Розенберг, а вслед за ним и другие исследователи отрицают заимствование Тргом Помпеем содержания его труда из одного источника⁷⁴. По мнению Розенберга, Трог Помпей пользовался трудами Тимея, Филарха, Полибия, Посидония.

⁷⁰ Liv., XLIII, 13, 4–2.

⁷¹ Обстоятельный анализ труда Трга Помпея как исторического и литературного памятника дан К. К. Зельным в статье «Помпей Трог и его произведение «*Historiae Philippicae*». ВДИ, № 2, 1954.

⁷² Итальянский историк-марксист Э. Серени блестяще использовал сохраненные Юстином легенды о лигурах для характеристики общественного строя последних: E. Sereni. *Comunità rurale nell'Italia antica*. Roma, Rinascita, 1955, p. 221.

⁷³ A. Gutschmid. *Kleine Schriften*. Bd. V. Leipzig, 1894. S. 218.

⁷⁴ A. Rosenberg. Ук. соч., стр. 201.

Страбон. Ценные сведения о природе различных частей Италии и о ее древнейшем населении сохранил Страбон (около 63 г. до н. э. – 19 г. н. э.). «География». Страбона насчитывала 17 книг. Большая часть их сохранилась. Сведения о древнейших племенах и городах Италии содержат IV и V книги. Во многих отношениях данные Страбона совпадают со сведениями Трога Помпея и Юстина: основание Спины умбрами и фессалийцами, происхождение названия Адриатического моря от города Атрии и др. Очевидно, Страбон и Трог Помпей пользовались одним источником. Вероятнее всего, это было сочинение одного из самых добросовестных писателей – Посидония.

Вергилий и его комментаторы. Проперций. Овидий. Отдаленное прошлое Рима привлекло к себе внимание не только историков, но и поэтов. Поэтические произведения могут в известной мере служить источниками для изучения раннего Рима и Италии, поскольку их авторы пользовались не дошедшими до нас историческими сочинениями.

Первым к отдаленному прошлому Рима обратился Квинт Энний (239–169 гг. до н. э.). От его «Летописи» сохранились незначительные отрывки. Примеру Энния в выборе сюжета художественного произведения последовал Вергилий, посвятивший судьбам древнейшей Италии и Сицилии свою «Энеиду».

7 книг из 12 связаны с древнейшей историей народов Апеннинского полуострова, куда прибыли троянские беглецы во главе с Энеем. Вергилий сталкивает пришельцев с латинами, рутулами, тирренами и греческими поселенцами, возглавляемыми Эвандром. Подобно александрийским поэтам, которым во многом подражал Вергилий, он детальнейшим образом использует местные легенды.

Поэма Вергилия в той части, где она касается городов Лациума, в известной мере возмещает потерю «Origines» Катона Старшего. В «Энеиде» мы находим легенды об Ардее, Остии, Лавинии, Лауренте. Раскопки в Лациуме позволили сопоставить сведения Вергилия с археологическими данными⁷⁵. Это сопоставление показало большую ценность содержащегося у Вергилия материала для изучения древнейшей истории Италии.

Немалый интерес представляет излагаемая Вергилием легенда об основании его родного города Мантуи, позволяющая понять структуру этрусской городской общины⁷⁶.

Вопрос о латинских источниках Вергилия очень сложен, ввиду того что не сохранились произведения анналистов. Нельзя с полной уверенностью сказать, в чем именно Вергилий был близок к анналистам, а что заимствовал из поэмы Энния.

Имеются комментарии к «Энеиде», принадлежащие Сервию Марию Гонорату (вторая половина IV в.). Автор комментариев больше всего уделяет внимания грамматической и риторической стороне «Энеиды», но попутно касается истории. Источниками Сервия были Донат, Светоний, Теренций Скавр, в особенности же Присциан. Расширенные Исидором комментарии Сервия получили название «*Servius auctus*».

Интерес к римским древностям характерен и для творчества элегического поэта Проперция (49–15 гг. до н. э.). В IV книге своих «Элегий» Проперций разрабатывает некоторые легенды, связанные с происхождением Рима, с его храмами и местными празднествами. Две элегии (II и IV) рассказывают об этруском происхождении божества Вертумна и о весталке Тарпее, предавшей Рим из-за любви к царю сабинян. В X элегии Проперций стремится выяснить «причины» основания одного из древнейших римских храмов – Юпитера Феретрия. Юпитеру Феретрию победители посвящали доспехи, снятые с побежденного в поединке полководца.

Интерес к римской мифологии и древнейшей истории проявил и другой крупный поэт времени Августа, Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 17 г. н. э.). Он задумал создать поэ-

⁷⁵ J. Carcopino. Virgile et les origines d'Ostie. Paris, 1919; B. Tilly. Vergils Latium. Oxford, 1947.

⁷⁶ Н. Н. Залесский. Этрусски в Северной Италии, стр. 28.

тическое произведение «Фасты»⁷⁷, излагающее праздники и обычаи. «Фасты» должны были состоять из 12 книг, по числу месяцев, но поэт успел написать лишь 6 книг. Как полагают, у Овидия не было времени для сбора материалов по римской религии и мифологии, и он пользовался имевшимися у него под рукой сочинениями антикваров, и прежде всего трудом Веррия Флакка, составителя официального календаря. Благодаря Овидию мы знакомы со столь характерным для римской религии культом предков, с пережитками тотемизма, древнейшими религиозными обычаями.

Плиний Старший. Из сохранившихся литературных памятников, содержащих сведения по истории раннего Рима и Италии, немаловажное значение имеет «Естественная история» Плиния Старшего (23 г. – 79 г. н. э.). Плиний Младший говорит о труде своего дяди как о произведении «огромного охвата и учености, столь же разнообразном, как сама природа». Сам автор характеризует «Естественную историю» как энциклопедию, содержащую «двадцать тысяч достойных внимания предметов» и предназначенную служить в качестве справочника. Плиний Старший освещает в своем труде вопросы космографии, метеорологии, медицины, зоологии, географии, техники, сельского хозяйства, искусства, религии.

«Естественная история» написана на основании выписок автора из самых разнообразных произведений⁷⁸. В I книге содержится полный перечень сюжетов «Естественной истории» и авторов как римских, так и греческих, трудами которых пользовался Плиний Старший. Он сам указывает, что просмотрел груды ста авторов. Но многие авторы были ему известны не непосредственно, а из других источников. Неоднократно Плиний Старший ссылается на сочинения римских антикваров Веррия Флакка и Корнелия Непота. Он пользовался не дошедшими до нас произведениями старших анналистов. Плиний не имел возможности разбирать и исследовать данные своих источников, да и не ставил перед собой такой задачи. Он выбирал в прочитанной им литературе наиболее редкое и странное, что могло поразить или заинтересовать читателей.

Исторические сведения рассыпаны по всему труду Плиния Старшего. Так, рассказывая о добыче золота, автор мимоходом упоминает, что Тарквиний Древний, по словам Веррия Флакка, праздновал триумф в золотой тунике. В разделе, посвященном добыче и применению железа (XXXIV, 14, 39), сообщается о запрещении Порсеной римлянам пользоваться железом (железо разрешалось применять лишь при возделывании полей). Последнее замечание Плиния опровергает представленную Ливием традицию о якобы славном исходе войны с Порсеной.

«Естественная история» Плиния содержит много сведений о местах добычи полезных ископаемых в Италии. Мы узнаем, что железную руду добывали на соседнем с Италией острове Ильве (XXXIV, 41), что Пад несет золотоносный песок (XXXIII, 4, 21), что золотые прииски имелись также в Иктумулах, окрестности Верцелл (там же), что в Кампании некогда добывали медь из рудоносного камня кадмия (XXXIV, 1).

В VII книге Плиний называет изобретения, приписываемые Тиррену или Пизею – сыну Тиррена: копье для велитов и пика, медная труба, ростра на носу корабля. Эти данные конкретизируют наши представления о выдающейся роли этрусков в создании первых в Италии регулярных армии и флота.

Из этнографических указаний Плиния наибольшую ценность представляют те, которые относятся к этрускам, умбрам, галлам, лигурам и другим племенам Северной Италии, родины Плиния.

Плутарх. Богатый материал по истории раннего Рима и Италии содержат сочинения Плутарха (около 46–120 гг. н. э.). Ряд биографий в «Параллельных жизнеописаниях» характеризует древнейших римских политических деятелей или легендарных персонажей римской

⁷⁷ М. М. Покровский. Фасты Овидия. М., 1899 (Литографированный курс лекций).

⁷⁸ D. Detlefsen. Untersuchungen tiber die Zusammensetzung der Naturgeschichte des Plinius. Berlin, 1899.

истории: Ромула, Нуму Помпилия, Валерия Попликолу, Камилла. Немало ценных сведений по истории раннего Рима содержится и в других биографиях Плутарха.

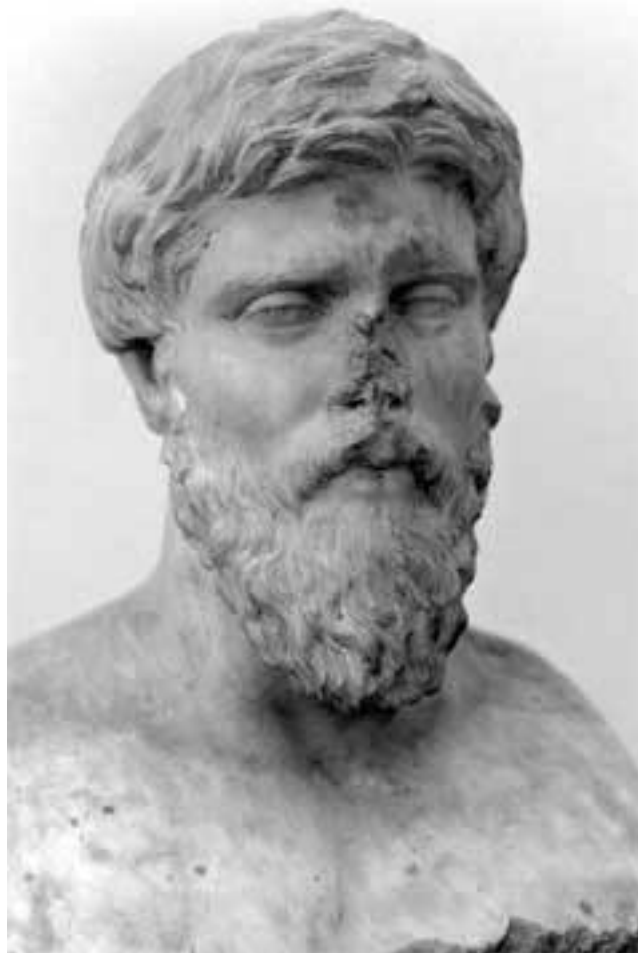
При составлении биографий Ромула, Нумы и других мифических или реальных персонажей ранней римской истории Плутарх пользовался многочисленными и разнообразными источниками. Часть из них он указывает сам. Это Фабий Пиктор, Диокл из Папаретоса, Кальпурний Пизон Фруги, Теренций Варрон. Не подлежит сомнению, что Плутарху были также знакомы Тит Ливий и младшие анналисты⁷⁹.

Главной целью Плутарха было не установление исторической истины, а создание образа героя, отвечающего моральным установкам самого автора. В этом отношении история раннего Рима, бедная реальными деталями поведения выдающихся лиц, создавала для писателя-биографа значительные трудности. В распоряжении Плутарха был легендарный материал, из которого надо было создать биографии исторических деятелей. Для решения этой задачи Плутарх подчас дает легендам рационалистическое толкование. Так, предание о связи Нумы Помпилия с нимфой Эгерией Плутарх толкует в том плане, что Нума любил скитальческую жизнь и ночевал под открытым небом, а также стремился использовать мнимую связь с нимфой для обожествления своей власти.

Часто встречая в своих источниках различные объяснения древнейших политических и религиозных учреждений, Плутарх не ограничивается тем, что выбирает из них наиболее правдоподобные, а приводит их все, даже самые невероятные и курьезные. Это помогает нам понять характер римской анналистики, приемы, которыми пользовались предшественники Плутарха.

В римских биографиях Плутарха немало неточностей и ошибок. Многие: из них происходят от неверного представления автора о первоначальном тождестве латинского и греческого языков. Плутарх склонен объяснять возникновение римских политических и религиозных учреждений из греческих.

⁷⁹ Peter. Die Quellen Plutarchos in die Biographien der Römer. 1865.

Плутарх (предполагаемый портрет). II в. н.э. Археологический музей Дельф

Как греку, Плутарху трудно было уловить своеобразие римской жизни, а тем более римского прошлого. Но в то же самое время он обращал внимание на многое из того, что уроженцам Италии казалось обыденным и недостойным описания. Особенную ценность представляет изложение праздников и религиозные обычаев римлян в «Параллельных жизнеописаниях» и в ряде трактатов «Moralia». В силу консерватизма римской религии эти религиозные обычаи позволяют заглянуть в далекое прошлое, когда они соответствовали примитивному уровню общественного развития.

Аппиан. Дион Кассий. Зонара. Первые пять книг «Римской истории» Аппиана (II в.) посвящены раннему Риму и Италии. В первой книге греческий историк излагал правление царей, вторая книга была посвящена италикам, третья – самнитам, четвертая – кельтам, пятая – Сицилии. Из этих книг сохранились введение и эпитомы четвертой книги. В изложении древнейшей истории Италии Аппиан имел много точек соприкосновения с Дионисием Галикарнасским. Очевидно, оба они пользовались одними и теми же источниками. Считают, что Титом Ливием Аппиан непосредственно не пользовался⁸⁰.

История Рима, написанная императорским чиновником Дионом Кассием (155–235 гг.), имела 80 книг. Первые восемь из них были посвящены древнейшему периоду, начиная с основания Рима до Пирровых войн. Некоторый материал из этих книг сохранил византийский писатель XII в. Зонара в своей «Всемирной истории» (VII–IX кн.). Полагают, что источниками Диона Кассия для царского и раннереспубликанского периода были Тит Ливий и Дионисий

⁸⁰ Б. Нице. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910, стр. 21.

Галикарнасский. Поэтому отсутствие первых восьми книг труда Диона Кассия не считается потерей для истории⁸¹.

Поздние компиляторы. Помимо произведений отдельных авторов, немалую ценность для изучения древнейшей истории Рима имеют сборники, составленные из высказываний разных историков. Наиболее ранний из таких сборников «*Factorum et dictorum memorabilium*» принадлежит Валерию Максиму. Много ценных отрывков из произведений, в той или иной степени затрагивающих древнейшую римскую историю, сохранил писатель II в. Авл Геллий в своих «Аттических ночах». Главными источниками этого трактата для событий ранней истории Рима были произведения Варрона и его последователей.

Следы различных анналистических версий отражены в произведении Аврелия Виктора, озаглавленном «*Origo gentis Romanae*». Нибур считал его фальшивкой, созданной гуманистами. В настоящее время это произведение рассматривается как подлинное и датируется III в.⁸² Оно излагает мифическую историю Италии и Рима от Сатурна до Ромула.

Из более поздних компилятивных произведений заслуживает внимания трактат о римских магистратах, написанный византийским историком VI в. Иоанном Лидийцем. Трактат содержит материал и о римских царях, в частности о Тарквинии Гордом и его посольстве в Афины для изучения законов Аттики (*Lid., De mag., I, 31*).

Общие черты римской историографии. Во II в. до н. э. греки, посещавшие Рим, обратили внимание на несоответствие внешнего вида города с его кривыми улицами и жалкими постройками огромному могуществу Римской державы. Такое же несоответствие имелось между прошлым города и его настоящим. Это с горечью ощущали первые римские историки, излагавшие историю Рима на основании анналов. Знакомясь с историей побежденной Греции и сравнивая ее с прошлым своего родного города, они не находили в нем ничего, что могло бы сравниться с героической Троянской войной или другими блестящими страницами прошлого Эллады. Все говорило о том, что предки римлян были простыми пастухами, ограниченными своими мелкими насущными заботами о пропитании. Подобно грекам, они верили в богов, но их боги не шли в сравнение с могучими олимпийскими богами. Патриотическое чувство первых римских историков должно было страдать от этого невыгодного сравнения. И чем могущественнее становился Рим, тем больше возрастала потребность в создании героической истории римского народа. Таков был один из источников фальсификации отдаленного прошлого Рима – причина создания многочисленных «патриотических» небылиц. Не находя в Италии легендарных персонажей, равных по доблести греческим героям, римские писатели нередко пользовались уже сложившимися греческими легендами. В этом же направлении действовали и греческие писатели периода упадка греческих городов-государств и превращения Греции в римскую провинцию. Изложение римской истории в героическом духе по греческим образцам было с их стороны своеобразной данью победителям⁸³.

Греческое влияние на римскую историографию сказывалось и в трактовке местных преданий в духе греческих политико-философских идей. Еще до того как Ромул в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха был сопоставлен с Тесеем, а Нума Помпилий с Ликургом, стараниями многих античных авторов древние римские цари приняли облик греческих законодателей и героев. Особенно это видно на примере второго римского царя Нумы Помпилия, о котором говорили, что он был другом Пифагора и даже написал двенадцать философских книг на греческом языке (*Plut., Numa, XXII*). Желание приобщить римского рекса к греческой научно-

⁸¹ *J. Thompson. Ук. соч., т. I, стр. 113.*

⁸² Последнее известное нам издание *Origo gentis Romanae*. Firenze, 1958, содержит обстоятельную вводную статью и исчерпывающую библиографию.

⁸³ В греческой литературе существовало и антиримское направление. Подробнее об этом будет изложено в нашей работе об идеологии раннего Рима.

философской мысли было настолько велико, что римские анналисты не посчитались с хронологией. Если принять традиционную хронологию, Нума жил лет на двести ранее Пифагора.

Источником искажений являлось также стремление возвеличить свой род. Некий Клодий написал особое сочинение «Опровержение времен», в котором он доказывал, что рассказы о прошлом Рима лживы, так как они составлены в угоду некоторым людям, вознамерившимся без всякого права протиснуться в древнейшие и самые знатные дома (Plut., Popl., 1). Создание такого сочинения свидетельствует о фальсификации истории в угоду отдельным родам, которая была чрезвычайно распространена. Чтобы понять характер этой фальсификации, достаточно ознакомиться с биографией Валерия Попликолы, написанной Плутархом. Ее источником, очевидно, было сочинение Валерия Анциата. В Плутарховой биографии обращает на себя внимание рассказ о битве с этрусками, в которой победу одержали римляне во главе с Валерием. На поле боя остались одиннадцать тысяч этрусков, а у римлян на одного меньше. Об этих результатах сражения римлянам заранее возвестил таинственный голос из священной роши. По поводу этой победы, как сообщает Плутарх, был впервые учрежден триумф и в связи с нею произнесена первая похвальная речь над телом консула, коллеги Валерия. Внося в свои «Анналы» такие фантастические подробности, Валерий Анциат хотел приписать важнейшие установления Республики своему предку; он не считался с тем, что и первый триумф и первая похвальная речь относились другими римскими анналистами к значительно более позднему времени. Не менее показателен другой рассказ Плутарха о доме Валерия на Велии. Этот дом был снесен Валерием, чтобы угодить народу, недовольному обособленным положением резиденции консула (Plut., Popl., X). За это народ будто бы прозвал Валерия Попликолой (другом народа). Вряд ли можно сомневаться, что в распоряжении анналиста, создавшего этот рассказ, было лишь предание о том, что первоначально дом Валериев находился на Велии, а также само имя – Попликола.

У некоторых родов – Помпониюв, Пинариюв, Кальпурниюв, Мамерциюв – общим прозвищем было гех. Это было достаточно для создания легенды о четырех сыновьях Нумы – Помпоне, Пине, Кальпе, Мамерке, давших начало вышеуказанным родам.

Помимо сознательной фальсификации, в трудах римских историков имело место бессознательное искажение, связанное с несовершенством приемов и методов исторического исследования. Встречая в своих источниках упоминания о возмущениях плебеев, анналисты даже не задумывались над тем, что представлял собой плебс в V в. до н. э. Плебс этой эпохи понимался по аналогии с римским плебсом периода кризиса и падения Римской республики.

Искажению древнейшей римской истории способствовали не только римские анналисты, но и жрецы, хранители исторических преданий. Стремясь увеличить число посетителей в своих храмах и свои доходы, жрецы самым беззастенчивым образом фальсифицировали старину. Так, в I в. до н. э. в одном из храмов появился жезл Ромула, а в I в. н. э. – тога, вышитая женою Тарквиния. В то же самое время жрецы скрывали от «непосвященных» многое, известное им одним.

Большие сомнения вызывают хронологические указания, которые мы находим у древних авторов. Хронологическая система опирается на синхронизм событий греческой истории и частично – на списки магистратов. Но часто даты, основывающиеся на этих различных источниках, не совпадают.

В своей первой книге Дионисий сообщает, что Тимей датировал основание Рима и Карфагена 38 годом до Первой олимпиады, т. е. 814 г. до н. э. По Фабию Пиктору, Рим основан в I год Восьмой олимпиады – 748 г. до н. э., по Цинцию Алименту – в IV год Двенадцатой олимпиады – 729 г. до н. э. Катон относит основание Рима к 432 г. после Троянской войны, т. е. к I году Седьмой олимпиады (752 г. до н. э.), Полибий – ко II году Седьмой олимпиады (751 г. до н. э.). Такую же дату мы встречаем у Цицерона (*De re publ.*, II, 18) и у Диодора (VII, frg.5).

Если учесть, что римские анналисты взяли основание Рима за начало эры, можно представить себе, какой имеется разноречивость в хронологических данных. Подчас приходится вовсе отказываться от абсолютной хронологии.

Наконец, необходимо указать еще на один дефект литературной традиции по истории раннего Рима, особенно ощущаемый исследователями, изучающими историю с марксистских позиций. Письменные источники касаются преимущественно внешней, политической стороны исторического процесса и в большинстве случаев не освещают истории народных масс.

Давая себе отчет во всех недостатках древнейшей римской историографии, исследователь не может ограничиться только негативными результатами. Перед наукой стоит задача выявить то достоверное, что сохранила римская традиция. Со времени Нибура римская историческая традиция подвергается учеными внутренней критике, сведения одного автора сопоставляются с данными других авторов, рассматривается вопрос об источниках римской традиции.

С появлением археологических источников критика римской исторической традиции вступила в новую фазу. Обнаружилась возможность проверки показаний древних авторов, зачастую возмечивавших прошлое своих родных городов, с помощью беспристрастных свидетельств памятников материальной культуры.

Мы не намерены в этой главе обобщать археологический материал и указывать на все его многочисленные преимущества. Отметим лишь очевидную заслугу археологии в реабилитации многих свидетельств древних авторов, которые признавались ранее совершенно недостоверными. В этом отношении роль археологии в Италии оказалась сходной с ее ролью в отношении древнейшей истории народов Балканского полуострова, Малой Азии и островов Эгейского моря. Раскопки Трои, Микен, Кносса не только открыли культуру, неведомую прежде науке, но и показали, что в самых фантастических легендах может содержаться историческое зерно.

Археология на почве Рима в целом подтвердила сведения традиции о Палатине как ядре города, о господстве в Риме этрусских царей, о времени постройки Сервиевой стены, Капитолийского храма и многое другое. Археология показала правильность многих других легендарных сообщений о возникновении городов в Италии и об участии в их основании как местных племен, так и пришельцев с Балканского полуострова. Из археологических раскопок, подтвердивших древние связи населения Италии с населением Балканского полуострова, по-новому встает вопрос о пеласгах, совсем недавно считавшихся легендарным народом, об экспедициях критян в Сицилию и даже об Эвандре, давшем народам Апеннинского полуострова письменность, подобно тому как сами греки получили ее от финикийца Кадма.

В то же самое время археология указала на заблуждения римской литературной традиции. Она позволила выявить легендарность ее данных о греческих поселениях на берегу Этрурии. В другом случае раскопки показали, что отдельные древние города гораздо моложе, чем это считает литературная традиция.

Согласно единодушному утверждению римских авторов, Остия была основана царем Анком Марцием, т. е. в VII в. до н. э., археология же показала, что эта римская колония возникла лишь в IV в. до н. э.

Наряду с археологическими данными правильность указаний литературных источников проверяется с помощью лингвистики. Исследователи выделяют названия, относящиеся к доиндоевропейскому населению Италии, и на их основании делают вывод о местах его расселения, о древних связях. Топонимика подтверждает указания традиции о широком расселении лигуров, об этрусской колонизации и др.

Весьма важным дополнением к литературным источникам служит лексика латинского языка. Подобно тому как известняк сохраняет отпечатки вымерших животных и растений отдаленных геологических эпох, словарный запас латинского языка уже в период существования письменности содержал отзвуки древнейших общественных и экономических порядков.

Ценные сведения по истории древней Италии содержат надписи на различных языках и диалектах. Они значительно старше литературных источников. Древнейшие из надписей – этрусские. Они относятся к VIII–VII вв. до н. э. Древнейшие неэтрские надписи найдены в Пицене. Различают две группы пиценских надписей: северную и южную. Точную дату этих документов трудно определить. Она колеблется между 650 и 550 гг. до н. э.

Древнейший латинский текст на знаменитой пренестинской фибуле датируется VI в. до н. э. Как он, так и более подробная надпись с форума в Риме – «черный камень» – могут быть использованы, главным образом, для решения проблемы происхождения латинского языка.

Другие надписи – оскские, умбрские, венетские, мессапские и так называемые лепонтийские – относятся к более позднему времени (III–I вв. до н. э.). Однако их значение для решения проблемы языка и населения древнейшей Италии весьма велико.

Комплексное изучение всех данных – литературных, археологических и иных – позволяет держаться на почве истории, избегая как излишней доверчивости к легендарным сведениям античных авторов, так и гиперкритических увлечений.

Глава II. Племена и народности Италии в начале железного века

Происхождение культуры железного века. Ранний железный век по своей исторической значимости, экономическим и социальным последствиям является важнейшей эпохой в жизни населения Апеннинского полуострова. Именно в этот период настолько развиваются имущественная дифференциация и процесс образования классов, что становится неизбежным появление рабовладельческого государства.

С началом железного века мы вступаем в эпоху, которая может быть изучена не только на основании археологических памятников, как предшествующие периоды, но и по данным литературных источников. К сожалению, они содержат противоречивые и полуполюгендарные сведения и, конечно, не идут в сравнение с литературным памятником этой же эпохи на Балканском полуострове – гомеровским эпосом. Все же в общих чертах они дают представление о расселении племен на Апеннинском полуострове, помогают выяснить некоторые стороны экономической, общественной и культурной жизни населения. С началом железного века более богатым и разнообразным становится археологический материал. Он включает остатки возникших в то время городов и крепостей, следы ирригационных сооружений, более сложные и разнообразные погребальные памятники. Надписи позволяют судить об общественной организации, культуре и религии италийских племен.

В процессе использования всех этих источников для создания цельной картины социально-экономического развития Италии исследователь сталкивается с некоторыми специфическими трудностями. При современном состоянии знаний в ряде случаев представляется трудным установить соответствие археологического комплекса и этнической группы, известной из литературных источников. Однако мы отказались от весьма сложной и неудобной системы раздельного изложения археологического материала и данных традиций об италийских племенах, хотя некоторые из соответствий являются спорными и носят более или менее гипотетический характер. Раздельное изложение археологического и литературного материала означало бы отказ от комплексного изучения источников и было бы шагом назад по сравнению с тем, что уже достигнуто наукой.

Одной из наиболее часто трактуемых в археологической науке проблем является происхождение культуры железного века в Италии. Во второй половине XIX и начале XX века распространение техники железа в Италии связывалось с переселением северного народа, принесшего в Италию культуру железного века, родственную гальштатской. Эта точка зрения была обусловлена не только господством в буржуазной науке миграционистской концепции, но и, прежде всего, состоянием археологических источников. Ранее всего науке стала знакома культура железного века района современной Болоньи, известная под именем Виллановы. Обнаружение сходных памятников в Южной Этрурии и Лациуме привело ученых к мысли о распространении культуры железного века с севера на юг. Раскопки в 1920-х гг. на крайнем юге Италии (Торре Галли и Канале) показали наличие здесь памятников другого типа, чем тот, который представлен в погребениях Виллановы. Оказалось, что этнические движения, несомненно, имевшие место на территории полуострова, не совпадают с распространением нового металла, что железная металлургия могла распространяться не из одного центра. Не отрицая возможности заимствования техники железа у северных народов, большинство современных археологов, однако, считают, что техника железа в Италии в основном имеет средиземноморское происхождение, что первыми носителями железа были греческие, этрусские или финикийские торговцы-пираты, сначала спорадически посещавшие Италию и близлежащие острова, а затем основавшие здесь свои колонии.

В Италии можно выделить два района, где изготавливались железные орудия, распространившиеся затем в глубинных частях страны, – это Этрурия и Бруттий. Жители Этрурии пользовались рудой с острова Ильвы (Эльба), расположенного недалеко от ее берегов. Население Бруттия использовало местные рудники, истощенные уже в I в. (Strabo, VI, 1, 5).

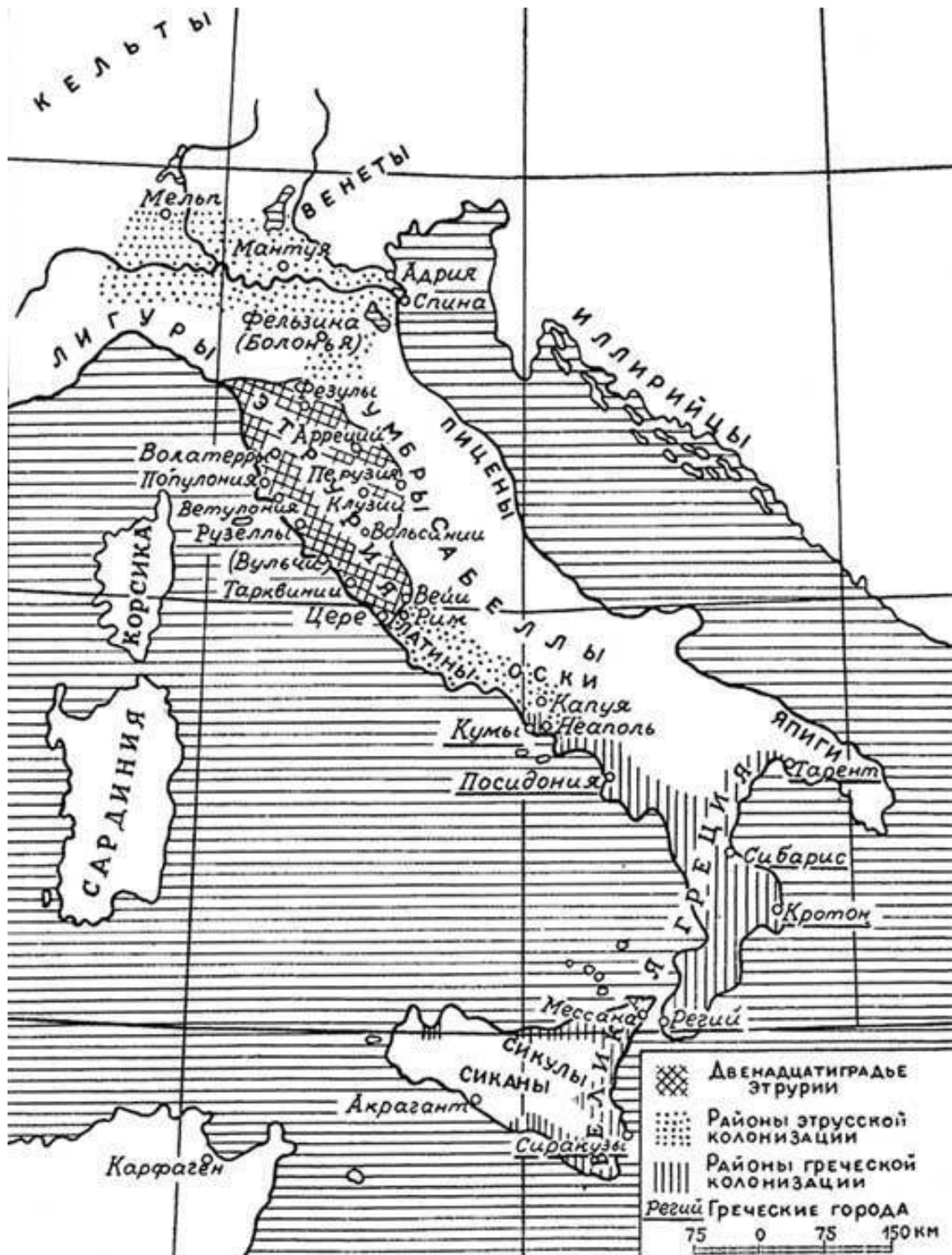
В отношении начальной даты выявления железа в Италии в археологической литературе имеются расхождения. Приведем датировку начала культуры Виллановы у разных исследователей, поскольку эти даты и считаются началом железного века: Монтелиус – 1135 г. до н. э.; Питиони – 900 г. до н. э.; Дукати – 800; Рэндалл Мак Айвер – 1150; Оберг – 1000. Железо, давшее название исторической эпохе, в начале своего появления применялось редко и лишь около 600 г. до н. э., ко времени основания греческих колоний, получило более широкое распространение. Второй период железного века, датируемый 600–400 гг. до н. э., соответствует эпохе Ла Тэн в Западной Европе. Необходимо, однако, заметить, что это деление на два периода для Средиземноморья носит более условный характер, чем подразделение на Гальштат и Ла Тэн.

Италия в начале железного века отличалась исключительной этнической пестротой. Сохранились сведения о десятках племен, которые сталкивались и перемещивались на полуострове, как в гигантском котле. Установление языковой и культурной общности этих племен – сложнейшая проблема. Возникла целая отрасль науки, занимающаяся вопросами этногенеза в Италии и других странах Средиземноморья.

Современные исследователи разделяют языки и диалекты Древней Италии по лексике и структуре на две крупные группы. К первой относят языки индоевропейской системы, ко второй – неиндоевропейские. На протяжении столетий, предшествовавших римскому господству, и в эпоху римского владычества неиндоевропейские языки вытесняются индоевропейскими. Этот процесс получил название «индоевропеизация» (в немецкой науке – «индогерманизация»). Нередко зарубежные ученые все сложные этнические и культурные проблемы сводят к одной «индоевропеизации» Италии. Причем «индоевропейские» элементы трактуются как некая сплоченная сила, действующая против «неиндоевропейских» элементов – сиканов, лигуров и др. племен⁸⁴. Языковое родство превращается таким образом в какой-то формирующий, определяющий фактор исторического процесса.

Эта трактовка, отдающая расизмом, не может быть принята нашей наукой. Однако не следует отказываться от повсеместно принятого деления населения Древней Италии по языковой принадлежности. Этот принцип необходим как система при изучении языковой пестроты Италии; он более удобен, чем, например, принцип географический, поскольку племена в эпоху военной демократии находились в постоянном перемещении. Может быть принят и сам термин «индоевропеизация», если его понимать как взаимодействие двух или нескольких языков, при котором победу одерживает язык индоевропейской системы.

⁸⁴ См. статьи по археологии Древней Италии западногерманского ученого Кашница-Вейнберга в «Handbuch der Altertumswissenschaft». Bd. II. München, 1954.

Италия VI в. до н.э.

Эгейское население. Пеласги. Присутствие древнейшего доиндоевропейского населения выявляет топонимика Италии, изучение которой является заслугой современных итальянских исследователей⁸⁵. В древних географических названиях средней и южной части полуострова имеются такие, которые чужды распространенным здесь в период греческой колонизации итальянским языкам. Характерны названия с суффиксом – *essos*, – *assos*, обычные для Крита

⁸⁵ С. Battisti. L'Opera filologica di Francesco Ribezzo. SE, vol. XXIII, 1954, p. 503–520.

и стран Эгейского моря⁸⁶. Некоторые названия имеют параллели и совпадения в восточной части Средиземноморья. Например, Tylessos – предгорье в Бруттии и Tyllissis – город на Крите; Suessa – город в Кампании и Syessa – в Лидии, Syassos – во Фригии. В Кампании встречается Larissa, относимая Дионисием Галикарнасским к поселениям пеласгов (I, 21). Larissa – типичное эгейское название (ср. Larissa в Фессалии, Аттике и М. Азии)³. В Лукании имелся город Kolasarna. Ему находят параллель в Halasarna на острове Кос и Phalasarna на западной оконечности Крита.

Для Эгейского населения характерны и названия с суффиксами – nthos, – anthos, – ynthos (ср. Тиринфос, Коринфос). Географические названия с этим суффиксом встречаются и на Апеннинском полуострове. Например, в Бруттии имелся мыс Кокинф. Обращают на себя внимание также совпадения: Pellana – река в Бруттии и Pellene – город в Ахайе, sinus Amiclanus в Лациуме и Амуклаи – в Лаконии.

Был высказан взгляд о принадлежности всех этих эгейских названий в Италии пеласгам⁸⁷. О пеласагах как о населении Италии говорит Дионисий Галикарнасский (I, 23).

Часть из них, по словам Дионисия, была отнесена бурей к одному из устьев р. Пада, носившему название Спинет. Здесь они основали город Спино, достигли благосостояния и владычествовали на море, посылая в Дельфы десятину доходов от морской торговли. Однако позднее под натиском местных племен пеласги покинули Спино. Из другого отрывка, где приводятся различные версии о происхождении тирренов (Dion., I, 28, 29 и сл.), виден источник сведений Дионисия Галикарнасского о пеласагах. Это Гелланик Лесбосский, отождествляющий пеласгов с тирренами. По мнению последнего, пеласги были изгнаны эллинами за восемь поколений до Троянской войны, высадились в Спине, а впоследствии основали Тиррению.

Та же версия об основании Спины пеласагами из Фессалии (фессалийцами) известна Юстину (XX, 1). Юстин добавляет, что Спино основана в стране умбров.

⁸⁶ Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 285.

⁸⁷ Н. Krahe. Die Indogermanisierung Griechenlands und Italiens. Heid., 1945. S. 35. М. Pallotino. Le origini storiche dei popoli Italici. «Relazione X congresso di Scienze Storiche», 1955, p. 34. Fr. Lochner-Hüttenbach. Die Pelasger. Wien, 1960.

Важнейшие памятники раннего железного века в Северной Италии. 1. Голасекка. 2. Варезе. 3. Комо. 4. Есте. 5. Вилланова. 6. Тосканелла-Иммолезе. 7. Вадена. 8. С. Лучия

В извлечениях из географического словаря Ἑθνικά Стефана Византийского, представляющего собой компиляцию многих не дошедших до нас трудов, под словом χῖος мы узнаем, что Ἴταλιῶται (очевидно, италики в узком смысле этого слова) покорили пеласгов и превратили их в рабов. Мы узнаем также, что пеласги жили в Лукании (Plin., N. H., III, 71), Лациуме (Plin., N. H., III, 71, Verg., Aen., VIII, 600), Северном Пицене (Silius Italic., Pun., VIII, 443). Несомненно, ареал распространения пеласгов в Италии преувеличен древними авторами. Возможно, что они называли пеласгами всех выходцев с Балканского полуострова – не греков, и под пеласгами следует понимать, например, япигов⁸⁸. Однако нельзя полностью отрицать сведения о пеласгах, как это делал Модестов, относивший пеласгов к области греческой фантазии⁸⁹. Наличие балканских неиндоевропейских элементов подтверждается данными топонимики, а длительная связь с Балканами – археологией⁹⁰. Разумеется, вопрос о пеласгах в настоящее время не может считаться решенным. Следует ожидать, что дешифровка микенской письменности

⁸⁸ Такова точка зрения Де Кары, автора двухтомного труда о пеласгах: *Hethi-Pelasgi nelle loro migrazioni dall'Asia in Europa*, vol. I. Roma, 1894. См. также его реферат: *Del Lazio e dei suoi popoli primitivi*. Roma, 1894.

⁸⁹ В. И. Модестов. Введение в римскую историю. Ч. 1, 1902, стр. 101. Из современных историков пеласгическую теорию Гелланика критикует М. Паллотино – *M. Pallotino*. *Etruscologia*, ed. III. Milano, 1955, p. 66.

⁹⁰ Археологический материал в работе *P. Laviosa-Zambotti*. *Il Mediterraneo, l'Europa e l'Italia durante la Preistoria*. Torino, 1954.

определяет место пеласгов среди другого догреческого населения Балканского полуострова и поможет объяснить сведения о пеласагах в Италии.

Лигуры. В последнее время очень большой интерес вызывает проблема лигуров⁹¹. В римскую эпоху лигуры занимали берега Лигурийского залива и приальпийские области. Однако античным авторам было известно, что в древнейшую эпоху лигуры занимали более обширные пространства. Лигуры уже знакомы Гесиоду как один из народов Дальнего Запада (Strabo, VII, 3, 7). Более точные сведения о расселении лигуров появляются с V в. до н. э. Часть писателей знает о пребывании лигуров в Иберии⁹². Греческим географам и историкам было известно, что лигуры занимали Юго-Восточную Галлию⁹³. Корсика, по мнению ряда поздних писателей, также принадлежала в древности лигурам⁹⁴. Авиену, автору перипла «Ora maritima», были известны поселения лигуров на берегу Атлантического океана⁹⁵. Сохранилось также известие, что лигурам принадлежала и Средняя Италия⁹⁶.

Подтверждение взгляду античных авторов на широкое распространение в доримское время лигурийского этноса современные исследователи находят в данных языка⁹⁷.

В сохранившейся надписи, точно датированной 117 г. до н. э., о территориальном споре между жителями Генуи и ее соседями, имеется несколько географических названий на – asca. Поскольку суффиксы – asca, – esca и – usca не свойственны ни одному из древних известных нам языков и широко встречаются в тех местах, где, по свидетельствам античных авторов, обитали лигуры, они признаны остатком несохранившегося лигурийского языка⁹⁸. В XIX в. часть исследователей видела в лигурах индоевропейский народ, опередивший своим приходом в Европу другие индоевропейские народы⁹⁹. Этот взгляд, казалось, получил подкрепление в найденных близ озер Комо и Лаго Маджоре надписях на языке индоевропейского происхождения. Эти так называемые лепонтийские надписи приписывались лигурам. Теперь их принято считать принадлежащими кельтскому населению, позднее, чем лигуры, занявшему этот район¹⁰⁰.

На основе исследований современных лингвистов, прежде всего итальянской школы, устанавливается неиндоевропейский характер языка лигурийского населения¹⁰¹. Вопрос о времени и характере процесса индоевропеизации лигуров остается спорным. Одни категорически отрицают начало этого процесса в эпоху, предшествующую кельтизации¹⁰². Другие приписывают индоевропеизацию лигуров влиянию латинов и сикулов, а впоследствии кельтов

⁹¹ Об этом интересе свидетельствует созыв в апреле 1950 г. Первого международного конгресса по истории и культуре лигуров, приведшего к созданию Международного института по изучению лигуров. Доклады, прочитанные на I конгрессе, – в «Actes du I-er congrès international d'études Ligures», 1952.

⁹² Avien., 195, 289, 612; Thuc., VI, 2; Diod., V, 6 со ссылкой на Филиста (V–IV вв. до н. э.). Dion., I, 22 со ссылкой на Гелланика (V в. до н. э.).

⁹³ Pol., III, 41, 4; II, 16, 1. До Полибия Гекатей сообщает о Массилии – «лигурийском городе» Кельтики. FHG, I, 2f, 22.

⁹⁴ Sall., Hist., frg. II, 8; Isid., Orig., XIV, 6, 41; Seneca, Consolat. ad Helvium, VII, 9. E. Sereni. Ук. соч., стр. 65.

⁹⁵ Avien., 129, 135.

⁹⁶ О лигурах в Центральной Италии см. Dion., I, 22. О лигурах в Лациуме: Serv., ad Aen., XI, 317; Fest., s. v. sacranis: Ligures a sacranis (pulsis sunt). «Sacranis» – очевидно, италики, у которых был обычай «ver sacrum».

⁹⁷ D'Arbois de Jubainville. Les premiers habitants de l'Europe. Paris, 1889–1894; E. Sereni. Ук. соч., стр. 67 и сл.

⁹⁸ D'Arbois de Jubainville насчитал в Южной и Юго-Западной Европе 271 название географических пунктов на – asca. Ф. Пуле зарегистрировал их 205 (F. Pulle. Italia. Genti e favelle, v. I. Torino, 1927, p. 195).

⁹⁹ D'Arbois de Jubainville. Ук. соч., т. II, стр. 215.

¹⁰⁰ Н. Krahe (ук. соч.) полагает, что язык этих надписей составляет переходную стадию от доиндоевропейских языков лигурийско-альпийского населения к языкам индоевропейской группы. Сравн. J. Whatmough, R. Conway, S. Johnson. The Prae-Italic Dialects of Italy. Cambridge, vol. II, p. 265.

¹⁰¹ В итальянской науке имеются и другие точки зрения. Лавиоза-Цамботти (P. Laviosa-Zambotti. Origini e diffusione della civiltà. Milano, 1947, цит. по рецензии F. Ribezzo, SE, vol. 23, p. 449) отождествляет лигуров с ретами и признает в них «преиндоевропейский» элемент.

¹⁰² G. Allesio. L'inquadramento di Bodincus e Padus nell lessico mediterraneo, «Rivista di Studi Liguri», 1949, III–IV, p. 223.

и оско-умбров¹⁰³. Третьи объясняют индоевропеизацию лигуров влиянием иллирийцев. Особую гипотезу выдвинули Кречмер¹⁰⁴ и Лавиоза-Цамботти¹⁰⁵. Индоевропеизация лигуров приписывается влиянию амбронов, вторгшихся в лигурийское пространство в конце бронзового и начале железного века.

Единомысленно считая лигуров древнейшим слоем населения Северной Италии, исследователи в то же самое время расходятся при определении археологической культуры, которую представляют лигуры. Гельбиг, Пигорини и другие ученые, приписывавшие создание культуры бронзового века Северной Италии (террамар) переселившимся из-за Альп италика-индоевропейцам, оставили лигуров без археологической культуры бронзового века. Предполагалось, что лигурийское население и в бронзовом веке продолжало жить в тех же пещерах и землянках, что и в эпоху неолита, и не знало техники металла.

Еще в 80-х гг. прошлого столетия Брицио подверг сомнению правильность мнения об италиках как строителях террамар и приписал лигурам создание культуры бронзы в Северной Италии¹⁰⁶. Брицио исходил из того, что каменные орудия террамар представляют собой развитие неолитической техники, что в террамарах, как и в культуре «fondi di sarrape» (основания землянок) предшествующей эпохи, встречаются одни и те же предметы. Взгляд Брицио встретил поддержку Эд. Мейера и Серджи¹⁰⁷. Вопрос о принадлежности лигурам культуры бронзового века так и остался нерешенным, хотя никто из исследователей не сомневается в том, что лигуры заселяли Северную Италию в бронзовом веке. Более ясным представляется вопрос об археологической культуре лигуров раннего железного века. Французский археолог М. Луи в годы Второй мировой войны обнаружил в Провансе два различных типа погребений¹⁰⁸. Первый из них, характеризующийся погребениями с трупосожжениями (necropoli a inzinerazione), близок к культуре раннего железа в Северо-Западной Италии (культура Голасекки). Другой, характеризующийся погребальными холмами (tumuli funerarii), сходен с гальштатской культурой. Поскольку известно, что в районе раскопок жили лигуры и кельты, то первый тип погребений относят к лигурам, а второй – к кельтам¹⁰⁹.

Для культуры Голасекки характерна кремация в качестве погребального обряда. Урна помещалась в простую круглую яму, обложенную мелкими камнями, или, позднее, в камеру, образуемую поставленными на ребро плитами¹¹⁰. Часть могил обводилась кругами из камней. Отдельные могилы этого типа имели одну урну. Урна обычно покрывалась глубокой чашей, заменявшей крышку. На костре вместе с покойником сжигались туши принесенных в жертву животных. Это видно по остаткам костей в пепле. Урну обычно сопровождал один небольшой сосуд, в котором, как предполагают, была какая-либо жидкость: вода, молоко или мед.

По орнаменту на керамике, формам сосудов и типам фибул различают три периода Голасекки¹¹¹. На сосудах первого периода выцарапывались линии, заполнявшиеся белой краской.

¹⁰³ V. Pisani. Il linguaggio degli antichi Liguri. In «Storia di Genova», vol. I, p. 385.

¹⁰⁴ P. Kretschmer. Die frühesten sprachlichen Spuren von Germanen. in «Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung», 1948. S. 1.

¹⁰⁵ P. Laviosa-Zambotti. Il Mediterraneo, l'Europa, l'Italia, p. 240.

¹⁰⁶ E. Brizio. Epoca preistorica. In «Storia politica d'Italia». Milano, 1898. Подробный разбор аргументации Брицио у Патрони: G. Patroni. La Preistoria. In «Storia politica d'Italia», vol. I. Milano, 1937, p. 629–632.

¹⁰⁷ Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, Bd. II. Stuttgart, 1893. S. 503; G. Sergi. Ariti e Italici. Torino, 1898, p. 49 sq.

¹⁰⁸ M. Louis. Le premier âge du fer et les Ligures dans le Languedoc Méditerranéen. In «Rivista di Studi Liguri», 1949, III–IV, p. 171 sq.

¹⁰⁹ Интерпретация этих двух археологических культур в капитальной работе P. Laviosa-Zambotti. Il Mediterraneo, l'Europa, l'Italia durante la preistoria; Патрони (ук. соч., стр. 832) идентифицирует население Голасекки с инсубрами.

¹¹⁰ Об изменениях в форме могил см. подробнее P. Laviosa-Zambotti. Le origini della civiltà di Golasacca, SE, vol. IX, 1935, p. 371.

¹¹¹ R. Pittioni. Die Urgeschichtliche Grundlagen der Europäischen Kultur. S. 229. Характеристика третьего периода, выходящая за хронологические рамки работы, не будет дана.

На керамических изделиях, относящихся ко второму периоду, проводились рельефные кольца, пространства между которыми покрывались красными и черными линиями в виде сетки. Дно сосудов второго периода имеет нацарапанный знак, обычно крестик. Сосуды второго периода Голасекки по своей конфигурации стройнее, чем в первый период. Для первого периода Голасекки характерны фибулы с простой дужкой, для второго – с трубкой, оканчивающейся утолщением, а также фибулы со змеевидной дужкой.

Похоронный инвентарь погребений Голасекки, особенно первого периода, беден. Кроме урны, покрытой чашей, находят всего лишь один сосуд или фибулу. Оружие встречается редко. В некоторых могилах первого периода имеются бронзовые наконечники копий. В могилах второго периода находят железные наконечники копий. Исследователи отмечают близость форм керамических и бронзовых изделий второго периода Голасекки и третьего – Эсте (Эсте), что говорит о развитии обмена во второй период.

Культура Голасекки. Бронзовая ситула с крышкой. Около 590–490 гг. до н.э.

Среди памятников, приписываемых лигурам, особое место занимают наскальные рисунки в Приморских Альпах (Монте Бего), в Альпах Коттиевых (Alpes Cottiae) и в долине

Val Camonica¹¹². Это важнейший источник, характеризующий жизнь местного населения на протяжении длительного исторического периода от палеолита до начала железного века. Наскальные рисунки позволяют проследить изменения в материальной культуре, верованиях и социальных отношениях древнейшего населения лигурийского пространства. В Монте Бего насчитывается не менее 36 тысяч рисунков. Древнейшие, носящие схематический характер, относятся к палеолиту. Среди них профили женщин, в манере пещеры Романелли в Сицилии, очертания людей и животных, сходные по типу с рисунками испанского Леванта и той же пещеры Романелли. Отделенные от них значительным промежутком времени более поздние рисунки изображали быка (энеолит).

Более поздние рисунки (быки, выполненные уже в реалистической манере) относятся к бронзовому и началу железного века. Реалистические черты носит и изображение человека. Можно различить отдельные детали, например волосы, покрывающую тело длинную шкуру, поднятые вверх (в молитве?) руки.

О важнейших изменениях в экономике свидетельствуют изображения плуга и пахарей на скалах Монте Бего. Бык в это время использовался как тягловая сила. Его изображение вместе с плугом – свидетельство торжества новой отрасли хозяйства – пахотного земледелия, являвшегося делом мужчины. Неслучайно за плугом изображается мужская фигурка.

Для суждения об уровне общественного развития лигурийского населения следует также осмыслить отмеченные особенности погребального обряда; окружение нескольких могил кругами из камня и наличие отдельных обведенных камнем погребений. Сопоставляя этого рода погребения с коллективными могильниками бронзового века в Северной Италии, мы можем предполагать вторжение частнособственнических отношений, неизвестных родовому обществу. К выводу о кризисе у лигуров родовых институтов приходит Эмилио Серени, пользовавшийся данными лигурийской топонимики и сведениями традиции¹¹³

¹¹² Рисункам Монте Бего посвящена значительная литература: *C. Bicknell*. The Prehistoric Rock Engravings in the Italian Maritime Alps. Bordighera, 1911; *P. Barocelli*. Le incisioni rupestri di Monte Bego nelle Alpe Marittime. «Rivista di Antropologia», vol. XXXV, 1947. Наскальные рисунки имеются и в других местах Италии: в Лациуме (Arnalo dei Bufal), в пещере Фельче на Капри (Grotta delle Felce). Более всего наскальных рисунков в Альпах. Помимо группы рисунков Монте Бего выделяют еще две группы альпийских наскальных рисунков: Alpes Cottiae, Val Camonica.

¹¹³ *E. Segeni*. Ук. соч., стр. 296 и сл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.